

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

ГЕНРИ ЛАЙОН

ОЛДИ

АНДРЕЙ

ВАЛЕНТИНОВ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Книга вторая

**КРОВЬ ПЬЮТ
РУКАМИ**

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Нам здесь жить

Генри Олди

Кровь пьют руками

«Автор»

«Автор»

1998

Олди Г. Л.

Кровь пьют руками / Г. Л. Олди — «Автор», «Автор»,
1998 — (Нам здесь жить)

Пути Господни неисповедимы, все мы – орудия Его, и кто знает: вдруг завтра Иоанн Креститель укажет пальцем именно на тебя? Тебя – слабого, пьющего, ссорящегося с женой и начальством на работе, глотающего анальгин, когда ноют зубы, поелику страшно идти к злодею – стоматологу? Мессия – ты! Ну как? По плечу ноша?

© Олди Г. Л., 1998

© Автор, 1998

© Автор, 1998

Содержание

Вместо предисловия	5
Книга вторая	10
Часть четвертая	10
Четверг, девятнадцатое февраля	10
Пятница, двадцатое февраля	18
Суббота, двадцать первое февраля	30
Воскресенье, двадцать второе февраля	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов

Кровь пьют руками

Миру – мир!
(из лозунгов)

Вместо предисловия

Вторник, тридцатое июня

или

нечто о френчах, реке Иордан и цитатах из О.Генри

...А нам толковали о больной печени...
О.Генри

1

Пусть не волнуются многоуважаемые читатели!

Эти страницы – не дежа вю, не ошибка наборщика, а всего-навсего предисловие ко второй книге романа. Оно предисловие вполне можно пропустить, не читая, ибо самое главное уже сказано в Предисловии № 1, а по поводу френча и реки Иордан у каждого, смею надеяться, уже сложилось вполне определенное и квалифицированное мнение.

Кстати, почему френч?

Почему не смокинг, не фрак, наконец?

Черный френч вынырнет на свет Божий ближе к концу романа. Его наденет уже знакомый вам персонаж, чтобы именно в нем предстать перед Творцом, перед смертью предупредив мир о том страшном...

Впрочем, о чем именно, вы прочтаете сами – если охота будет.

Френч надел на героя я. Сделано сие было совершенно сознательно, ибо для меня это старо– и одновременно новомодное одеяние намертво срослось с первыми залпами Армагеддона, прогремевшего восемь десятилетий тому. Свой черный френч я, как и упомянутый персонаж, приобрел на Барабашовском рынке в Харькове и при примерке терзал продавца вопросом: похож ли я в нем если не на белогвардейского офицера в отпуске, то по крайней мере на Александра Федоровича Керенского. Как выяснилось, ничуть не похож. Наш персонаж такими вопросами не задается, но его черное одеяние по давней моде как бы подчеркивает странную смычку времен. Френч эпохи начала Армагеддона на человеке, провожающем уходящий навсегда Старый Мир. В Новом ему уже нет места – вместе со старомодным изяществом черного, слегка приталенного костюма, на сверкающих пуговицах коего еще отражаются отблески белогвардейских штыков.

Впрочем, Армагеддон уже был.

Вчера.

Автор этих строк, не успевший на Перекоп и под Волочаевку, в свое время немало писал о Последней Битве, заслужив целый грузовой эшелон упреков как от любителей звездолетной фантастики, так и от паладинов драконисто-баронистой фэнтези.

(По поводу этого – смотри и расшифровывай эпиграф.)

Автор ничуть не смирился, но все же дал зарок – не писать более о веке XX-м, о столетии Армагеддона. И отнюдь не из-за снобистского квакания – бумажного и виртуального. Слишком тяжела тема. Говоря словами Алексея Константиновича Толстого, и разум мутится, и перо выпадает из рук.

Вот почему сей роман был для автора особенно труден.

2

Мой славный соавтор, великий английский фантаст сэр Генри Лайон Олди, честно признался (читай Предисловие № 1), что вышел на тему через магический кристалл своего знаменитого романа о Герое, которого не может быть больше, чем один. Мне, нижеподписавшемуся, пришлось искать подходы с иной стороны. Черный френч обозначил первый из них. Я писал о двадцатом веке, но так и не закончил рассказ. Рассказ о том, что будет *после*.

После Армагеддона.

Как-то в одном интервью я обещал описать конец света – после того, как сей конец наступит. Предваряя недоверчивую улыбку уважаемой журналистки, я пояснил, что в отличие от большинства писавших и снимавших на эту, столь ныне модную, тему, придерживаюсь в данном вопросе более чем ортодоксальных взглядов. А взгляды эти достаточно просты. Стоит лишь открыть читанные и перечитанные страницы Откровения Святого Иоанна Богослова, и мы увидим очевидную вещь, поражающую больше, чем железные стрекозы, стальные кони и Звезда Чернобыль, отравившая воды рек.

Конец света наступил – а люди *не заметили*.

Может, это единственное, что еще удивляет меня в Истории.

Не заметили!

Выходит, прав Спаситель – иным и знамения мало. И не надо кивать на то, что большое видится на расстоянии. Армагеддон прошел давно, но об этом мало кто хочет слышать. Крепкие же нервы даровал нам Господь!

Иерусалим, Иерусалим, побивающий пророков!

И не правы мои уважаемые коллеги-писатели от Вячеслава Рыбакова до Песаха Амнуэля. Их Апокалипсисы оптимистичны хотя бы в том, что уцелевшие *поняли*, что свалилось на них с разверзшихся небес.

Нет, не поняли.

И поймут не скоро.

Когда Спаситель пришел в этот мир, открыв начало Новой эры, об этом узнали одиннадцать человек, включая пророчицу Анну и вифлиемских пастухов. Даже через тридцать лет, когда *Он* возвестил это черным по-арамейскому, *Его* услышала горстка Апостолов. И только через два-три века...

Стоит ли продолжать?

Автор не настаивает на своей версии Истории. Желаящие вполне могут повторять попугаями-ара истину о том, что все к лучшему в этом лучшем из миров, и новое тысячелетие будет эпохой человеческого могущества, безбрежного счастья, а также многополярного мира и рацвета парламентской демократии.

Завидую вам, оптимисты! Ибо обещано вам Царствие Небесное.

3

Кроме черного френча, была еще одна причина.

Как известно, некий булгаковский персонаж однажды решил написать роман об Иисусе Христе.

Я не любитель апокрифов – не читатель и тем более не сочинитель. Но один сюжет прикипел к душе намертво, и жаль, что не мне написать о реке Иордан.

История всем памятная. Плотник из Назарета по имени Иисус отправился на реку Иордан, влекомый слухом, что там объявится Мессия – долгожданный, выстраданный. Не *Он* один – тысячи стекались к пологим берегам неширокой реки, дабы увидеть *Его*. Вопрос был почти решен – вот *Он*, Креститель Иоанн, сын Захарии, смывающий проточной водой наши грехи. Потому и спешили – увидеть и услышать, как объявится *Он* во славе своей, в огне негасимой шехины, карающий и милующий именем Творца.

Плотник ждал на берегу и вместе с другими жаждал ответа, уже, казалось, очевидного.

Кто *Он*? Не ты ли, Креститель?

И вот прозвучали слова сына Захарии, перевернувшие мир:

Мессия – не я.

Мессия – *Ты!*

Трудно найти более драматичный сюжет. Богословы-ортодоксы спешат снять напряжение, поясняя, что Иисус *знал* – с самого рождения, с первого детского крика. И обращение к Крестителю – лишь дань уважения к великому пророку.

А если все-таки нет?

Парень из глухой провинции, много лет кормивший плотницким ремеслом мать и кучу сестер-братьев, слушавший в захудалой синагоге недоучек-книжников, жаждет увидеть чудо, и вдруг узнает, что чудо – это *Он* сам.

Отсюда – пустыня, долгие недели одиночества, попытка разобраться, понять самого Себя. И, конечно, Искуситель. Ибо что толку искушать Сына Божьего, с младенчества ведающего о своем жребии? Но Человек, только что узнавший о том, кто *Он* на самом деле – это ли не добыча для Противостоящего?

Таков сюжет, за который я никогда не возьмусь. И не только в силу почтения к традиции. Иисус был неординарной Личностью. *Он* справился с Собой удивительно быстро, и смог не только отослать прочь Провокатора с его дешевыми соблазнами, но и не побоялся выпить чашу в Гефсиманском саду, хотя речь уже шла не о бутербродах с саранчой и царствах-государствах, а о жизни и тридцатисантиметровых гвоздях, вбитых в запястья.

Се Человек!

Но пути Господни неисповедимы. Все мы – орудия Его, и кто знает, вдруг завтра Креститель укажет пальцем именно на тебя? Тебя – слабого, пьющего, ссорящегося с женой и начальством на работе, глотающего аналгин, когда ноют зубы, поелику страшно идти к злодею-стоматологу?

Мессия – *ты!*

Ну как? По плечу ноша?

4

Америку открывали много раз и, наверное, еще откроют, не завтра – так через пару веков.

Сюжет, мною выше обозначенный, привлекал многих. Для меня ближе всего трактовка великого Клайва Льюиса, но его Рестон, спасающий Переландру и самое Землю, все-таки крепкий парень, настоящий англичанин, из тех, что бросали на дюнкерские пляжи свои стальные каски, как залог возвращения, и мертво держали оборону в песках Тобрука и Эль-Аламейна. Льюис «Космической трилогией» смело противостоит пессимизму своего земляка и современника Оруэлла. *Они не пройдут!* Потомки тех, кто вырвал у Иоанна Безземельного Великую Хартию, не допустят, чтобы воцарилась Мерзейшая Мощь вкупе со Старшим Братом!

Надо ли напоминать, что именно в эти годы Профессор заканчивал роман о маленьких и нескладных обитателях Шира, сумевших остановить Черного Властелина?

Нам история не оставила места для оптимизма.

Нет его – и не будет.

Вместе с тем, решаем мы проблему, помянутую выше, с легкостью необыкновенной.

Как правило, героем оказывается отставной десантник с опытом Афгана, спасающий мир методами, опробованными под Гератом и Джелалабадом (сначала – гранату в дверь, а потом задавай вопросы). Спорить с подобной трактовкой просто не хочется, ибо убереги нас Господь от такого спасителя, а от всех прочих мы и сами убережемся. И можно бы на этом и точку поставить (каковы мы, таковы и спасители), но История не стоит на месте, книги пишутся, издаются, и на смену очередному Крутю Немерянному (и наряду с ним) на роль Спасителя начинает посягать некто совершенно другой.

Постине, никто не даст нам избавленья! Во всяком случае, не Бог, не царь и не герой. Сами разберемся, причем в лучшем виде!

Ну, например.

Сiju это я в кофейне, кофе пью – двойной и без сахара. Люблю кофе пить, особенно по холодку! И вот приходит ко мне сам Господь Саваоф, глася: Ваня! (Петя, Вася, Максимушка), а не спасешь ли мир? Я тебе молний подкину вкупе с громами, и войско превеликое, а ты уж будь добр, поспособствуй!

И все бабы – твои!!!

Поглядел я на свой Роллекс, прикинул, что до ближайшей стрелки еще целых два часа с половиною, да и рукой махнул: ин ладно, Господи, спасу! Да тока одних баб мне мало, мне б еще джакузи походный, да архангела Гавриила с мечом в зубах в качестве тела моего хранителя...

Ну, в общем, спас.

Спас – и пошел кофе пить. Люблю, чтобы двойной и без сахара!

Читать такое весьма любопытно. Не об авторе подобный текст говорит (автор – молодец, свое дело знает!) – о читателях. О студентах-недоучках, зачеты не сдавших, любителей игры в DOOM-поддавки, дабы набравши последовательно IDKFA и IDDQD, ощутить себя, хоть на час, суперменами, а не тварью дрожащей. Мир спасти – да раз плюнуть, вот только кофе допью!

Поколение, родившееся после Армагеддона! Сколь сладостно вам читать такое! Ведь я, двоечник-хвостист, тоже могу так, чтобы и кофе, и архангел Гавриил...

Крутые мы, крутые – пока на зачет идти не надо.

Один умный и наблюдательный человек верно отметил, что фантастика снежным комом с горы катится в бездну стеба и беспроблемности. Легче так – и писателям, и читателям. Писателям – творить по известному рецепту (а вы думаете, это король Артур? Не-а, не Артур это, а придурок и козел. А вот Я!..). И читателям – не напрягаться во избежание очевидных последствий. Писатель пописывает, читатель почитывает.

Не все!

Слава Богу, не все!

Однако дух уже чувствуется. Дух, исходящий от снобья, что, сидя в разных кофейнях, каркает: Романы Икса – чернуха, Игрека – заумь, Зет в исторических реалиях ни шиша не смыслит, Бета-Сигма – в мифологических, у Дельты с достоверностью напряг... Зато!..

Подставь имена сам, о Читатель, и забудь о них, хотя бы на время. И о снобах забудь. Ибо не для очернения своих коллег написал я сие (жанры всякие нужны, жанры всякие важны), но для разъяснения.

Ибо тяжко не только мир спасать, но и больную собаку выводить.

А уж если палец Крестителя укажет на тебя!..

Об этом и роман.

Потому и искусился я нелегкой темой, дабы пояснить – и себе, и всем остальным – две очевидные вещи. Для меня очевидные.

Эра, начавшаяся две тысячи лет назад в Вифлиеме, заканчивается. Чем – мы еще не поняли, не успели понять, но вокруг нас уже проступают смутные контуры Нового Мира со своими законами и правилами. Бог даст, на нашу долю не достанется и десятой доли того, что довелось хлебнуть персонажам романа.

Даст Бог – но быть может, и не даст!

Отсюда – *caveant!* Будьте бдительны! И если не придется брать на плечи ношу, подобную той, что взвалили на себя герои романа, то хотя бы вылечите больную собаку, скулящую у ваших дверей.

А потом можно и кофе пить!

А по поводу больной печени, упомянутой в эпиграфе, к которому отсылал я тебя, о многотерпеливый Читатель, обратись к первоисточнику – славному писателю О.Генри, изрекшему сие в тяжкий для него час. О больной печени толковали его критики, не видя, не желая видеть...

...Что именно – легко догадаться. Ежели нет, советую открыть предисловие к старому синему двухтомнику, изданному еще в далекие 60-е, когда главные герои нашего романа еще не родились. Хорошие были годы! Тогда под песни Высоцкого да под «Поехали!» Гагарина легко мечталось о Будущем, о грядущем Прекрасном Новом Мире.

И вот оно наступило – Будущее.

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ.

Андрей Валентинов

Книга вторая Кровь пьют руками

XV. Об избавлении от мышей, клопов, тараканов, от гусениц, вредящих садам и огородам.

1. Мученику Трифону (250; 14 февраля). Известны многочисленные случаи чудесных избавлений от гусениц, саранчи и различных других вредных насекомых помощью св. Трифона по молитве к нему. Заказать молебен этому святому с водосвятием. (Молит. 118).

Сборник молитвословий, издательство Либрис, Москва, 1995-й год, по благословению настоятеля Иоанно-Златоустовской церкви; тираж не указан.

Часть четвертая Подстилка прокурорская или пташечки с колоколенки

Четверг, девятнадцатое февраля

Меж кентом и ментом * Маг по имени Истр * Конституцию еще не отменяли? * Воздух понят правильно * Наверное, это и есть Ад

1

Итак, стоит себе дура между кентом и ментом. Мент шпалер свой ментовский поднимает, а кент... Бр-р-р! Ну и рожа! То есть уже не одна, а целых две... мама моя родная! – вторая-то кентесса! Клетчатый пиджак притален, белоснежная манишка, галстук-селедка аккуратно заколот... тоже – лицо нетрадиционной?

– Падай, Гизело!

Ну уж нет! Стану я на грязный пол падать!

– Отставить!

Поднимаю руку, поворачиваюсь к разошедшемуся не на шутку жорику.

– Сержант! Пистолетик-то... Спрячьте, не ваш же! Сядете! Сама посажу, не побрезгую!

Понял. Увял. Спрятал. Вот и порядок! Теперь кенты.

– В чем дело, граждане?

От граждан люто несет перегаром и машинным маслом. Первый – громадное гнедое одобробло само себя шире, на плече похабщина наколота – надвигается в упор, щерит желтые зубы.

– Уйди, тетка! Нам Алик нужен!

Тетка? Спасибо, что не бабка!

– Тамбовский волк тебе тетка. И дядька. Стой, где стоишь!

Легко сказать! Мокрое, в клочьях грязного снега, колесо подкатывает к самым коленям. Не двигаюсь. Жду. Давить собрался, урод? Давай, рискни запчастями!

– Усе в порядке, граждане!

Сержант Петров, кажется, успел очухаться и готов занять боевую позицию рядом со мной – с палахом наголо. Я только вздохнула: налетит наряд, отмазывай потом обалдуя! Фиг там, не буду!

– Усе в порядке, граждане! – суровым тоном повторяет жорик. – А документики-то предъявите!

Интересно, какие документы у кентов? Наверно, водительские права. И еще техпаспорт.

– Катись в пень, служивый! – кентесса демонстративно сплевывает на пол и катит к нам с явным намерением припечатать к полу сержантовы сапоги. – Если вы, бриллиантовые, с Аликом беду сотворили!..

– Язык-то попридержите, гражданочка! – квадратное плечо Петрова ненавязчиво оттирает меня в сторону. Слабые попытки сопротивления с моей стороны игнорируются – молча, но решительно. Теперь супротив двух кентов – один мент.

– Вот чего, сержант! – первый, который одоробло, нагибается, дышит бензином. – Ты нам Алика отдай, а сам катись – и зубы вставлять не придется. Просек?

– Попустись, миленок! – сопрано красотки на колесах звенит откровенной издевкой. – Неровен час, мы тебя сами попустим! Вдвоем и по очереди.

Петров громоздится, как спартанское войско при Фермопилах, намертво перекрывая коридор. Я наконец прихожу в себя. Ругаются – значит, смертоубийства не будет. Телефон! Я ведь хотела позвонить! Наряд и, конечно, скорую! Нет, скорую, а потом уже наряд!..

Я отступаю к двери, за которой прячется искомый телефон (сотовый надо было брать, дуреха!), и тут начинается. Мое непродуманное отступление явно принято за всеобщее бегство. Кентесса начинает наезжать (в прямом смысле, не в переносном) на сержанта, лапища гнедого – грязная, в чем-то, похожем на тавот, – толкает Петрова в грудь...

Бах!

Интересно, можно ли с одного удара уложить на землю шкаф? Наверное, нет, а вот кентавра можно, причем с тем же приблизительно звуком. Уложить одной левой – в правой у сержанта палаш, которым он почти одновременно пытается достать кентессу – к счастью, плашмя. Но фехтовальщик из него никакой – ловкий ответный удар выбивает оружие из рук, тонкие, но жилистые лапки тянутся к горлу...

Все! Пора бить! Не люблю жориков, но они все-таки люди.

Я примериваюсь к хрипящей и матерящейся массе, едва не получаю колесом по ноге, успеваю разглядеть мохнатое горло гнедого, замахиваюсь...

– Хватит!

Голос негромкий, слабый. Казалось, его и не услышать-то по этакой запарке, но – услышала. И не просто услышала – замерла на месте, каким-то чудом моментально осознав: и вправду – хватит. И что самое любопытное, догадалась об этом не одна я. Словно к непослушным детишкам пришел строгий дядька. Поигрались, малые – и будя!

Куча распадается, встрепанный Петров отскакивает в сторону, кенты отъезжают чуть назад.

– День добрый, господа и граждане!

Тот, кто столь удачно нас убедил, стоит в дверях. Старенький такой, и кожушок на нем старенький, на седой голове шапка-бирка, сверху дырка, ветром повеваает...

За спиной дедушки, прямо на лестничной площадке, возвышается еще один кентавр – угрюмый бородач в футболке песочного цвета.

Почетный эскорт?

– Олег Авраамович жив?

И тут я спохватываюсь. В голове зреет смутная – и совершенно невероятная – догадка. На фотографиях он совсем другой, помоложе и не в кожухе, но...

– Гражданин Залесский жив, но ему срочно требуется медицинская помощь. Гражданин... Молитвин?

Тот, кого ищут пожарные, ищет милиция, неторопливо кивает, поворачивается к кентам:
– Все в порядке, Папочка. Драться не надо. Это свои.

В иной момент я бы и не прочь побыть своей для нетрадиционной Папочки, но не сейчас.

– Я работник прокуратуры, гражданин Молитвин. В данный момент в квартире находится лицо с явными признаками...

– Я знаю, кто вы, Эра Игнатьевна, – прежним негромким голосом перебивает старик. – Алик вас хорошо описал. Никаких признаков, тем более явных, нет, но Олегу Авраамовичу действительно нужна помощь. За тем и пришел.

Опохмелиться принесли, что ли? – хочу спросить я, но не спрашиваю. Просто не успеваю – бравоый сержант Петров как раз выходит из ступора.

– Ерпалыч, ты это... – произносит он сурово, неторопливым движением пряча в ножны палаш. – Ты в комнату пройди. А вы, граждане, стойте, где стоите. И ни шагу!

Последнее явно относится к кентам. Они недобро ворчат, скалят желтые зубы – но подчиняются. Пока, во всяком случае.

Ладно! Пора к телефону!

Я снимаю трубку, палец ложится на кнопку.

– Не надо, Эра Игнатьевна!

Вздрагиваю. Вздогнешь тут, когда тихой сапой из-за спины подбираются. Когда это он успел?

Хочется ругнуться как следует, в пять загибов, но нельзя. Не тот случай.

– Гражданин Молитвин! Прошу не указывать мне, что делать! Между прочим, ваш дружок-собутыльник валяется в соседней комнате с перерезанной артерией...

– Нет...

Старик медленно снимает шапчонку, проводит худой ладонью по жидким седым волосам.

– Олег Авраамович не ранен. Эта кровь – не его. У него обморок. Не звоните! Скорая не поможет, а вашим коллегам тут делать нечего. Эта кровь – не человеческая. Произошел... Ну, можно сказать, несчастный случай. Точнее, неудачный научный опыт.

Из соседней комнаты доносится радостный визг гражданки Бах-Целевской:

– Алик! Алик! Сладенький мой! Это я, твоя курипочка!

Судя по тону курипочки дела не так и плохи. Все-таки медсестра, должна что-то понимать! Ладно, не буду спешить. К тому же упоминание о науке наводит меня на новую мысль – на сей раз совершенно правильную.

– Хорошо. В милицию пока звонить не буду. Насчет скорой – поглядим через полчаса.

Он кивает, явно успокоенный, и выходит из комнаты.

Мой палец тут же ложится на кнопку.

Набираю номер.

Свой.

2

Игорь поднимает трубку почти сразу, после первого гудка, и я догадываюсь, что он сидит в большом старом кресле рядом с моим столом.

– К-квартира Гизело! Алло!

– И вам алло, Игорь! – невольно улыбаюсь я. – Звоню из Лапландии. От Деда Мороза.

– Зд-дравствуйте, Снегурочка! – мигом откликается он. – К-как там в Лапландии? Нильса с г-гусями не встречали часом?

– Гусь есть! – я уже не улыбаюсь. – Ваш гусь! Тот самый!

Несколько секунд трубка молчит, и я получаю возможность беспрепятственно переварить снегурочку. Никак уши краснеют, снегурочка-дурочка? Хороша старая баба с красными ушами!

– П-понял, – теперь голос звучит совсем иначе: строго и твердо. – Н-назовите ад-дрес, еду!

Да, голос звучит твердо, но заикается мой специалист больше обычного. Неужели на старом алкаше свет клином сошелся? Игорю сюда нельзя, здесь же куча... даже не народу, а просто – куча. Свалка. Мне за такое голову оторвут. Вернее, сама оторву, если с ним что-то...

– Адрес назову, Игорь. Но ехать вам сюда нельзя. Сейчас нельзя. Поверьте!

На этот раз с голосом экспериментирую я. Поймет?

– Хорошо, – в трубке слышен вздох. – Д-долго терпел, потерплю еще. Договоритесь, пожалуйста, о встрече. На завтра. Ладно?

На завтра? Как бы Неуловимый Джо Молитвин не вздумал вновь шутки шутить! Ну, нет! Не позволю.

– Договорюсь. Вас как-то представить?

– К-конечно! Будем д-дипломатами! – Игорь смеется, и я невольно улыбаюсь в ответ. – Скажите, что с ним хочет встретиться м-магистр.

– К-как? – оказывается, я тоже умею заикаться.

– Магистр – это маг по имени Истр. В честь речки назвали – Днестр которая. Не иначе, он там с водяными п-путался. И с русалками... Я ведь действительно м-магистр, причем именно по мифологии. В Праге дали, я там в университете защищался. У Ярослава Б-буриана. Который по унгартариям книжку написал, помните?

Ага! И ложусь с ней, и встаю.

– Хорошо. Передам. Мне, Игорь, тут еще побыть придется, так что вы не скучайте. Телевизор сами найдете, компакт-диски в левом нижнем ящике стола.

– Спасибо! – кажется, он вновь улыбается. – Я тут зрение порчу – Лойолу в-вашего почи-тываю. Насчет т-трех степеней подчинения. Разб-бирался, испанец!

– Еще бы, – охотно соглашаюсь я.

Так оно и есть. Разбирался. Но даже если и нет, я не стала бы спорить с Игорем Дмитриевичем. Бог с ней, с истиной, пусть не рождается!

* * *

Этому тоже учил Первоиезуит. Мир дороже. Мир – и покорность. На том все и стоять должно.

Впрочем, меня бы он к себе не взял. И даже не из-за того, что я Эра, а не Эрик. Три степени покорности: повинуйся телом, повинуйся разумом, повинуйся сердцем. Хорошо придумано, но не для меня. Не умею. Хотя учили крепко.

Повинуйся телом: это когда бьют, приставляют к горлу осколок стекла, валят на дощатые нары, срывают клифт, вонью дышат в лицо. И ты повинешься – телом, избитым, опозоренным, но еще желающим жить.

Повинуйся разумом: это когда годами работаешь под чужой личиной, выверяешь каждый шаг, жрешь горстями успокоительное – или пьешь по-черному по субботам, закрывшись на все задвижки. Повинешься, потому что разум говорит: иначе нельзя, поводок крепок, намордник жмет, к тому же деньги – для нее, и для меня самой, той, что когда-нибудь сможет уйти из этой паутины.

Сердцем... Не знаю, не получалось. А может, и не пробовала. Не для кого было. Саша... Нет, и с Сашей тоже. Даже в постели, даже в тот миг, когда самая фригидная баба забывает обо всем, приходилось помнить: завтра надо писать очередной отчет об объекте Паникер. Я думала, что сердце когда-нибудь не выдержит – разорвется. Выдержало. Не выдержало Сашино – пуля пробила аорту...

...Нельзя, нельзя! Присесть, закрыть глаза. Валидол! Черт, дьявол, забыла! Вот о чем думать надо – о валидоле, а не о серых глазах и ямочке на подбородке...

* * *

Перед тем, как зайти в комнату, откуда слышался плеск и всхлипывания сестрички-истерички, я заглянула в зеркало. На меня взглянула холодная надменная особа средних лет в дорогом пальто и сбившейся на сторону шапке. Шапку я поправила, но снимать не стала. Сойдет, не жарко; батареи, похоже, совсем холодные. Наверно, гражданка Бах-Целевская домовому булки пожалела.

Как они все должны меня ненавидеть!

Ладно.

Кентавров в коридоре не оказалось. Не обнаружили их и в комнате – не иначе, на автозаправку решили завернуть. И очень хорошо, без них воздух свежее. Зато все остальные были на месте; вдобавок откуда-то появился таз, полный воды, вкуче с полотенцем. Хмурый Петров вместе с заплаканной Идочкой сдирали с гражданина Залесского окровавленные брюки. Похоже, намечалось мытье. Мытье или обмывание?

Я вновь вступила в кровавую лужу, невольно поморщилась (запах, запах!), коснулась холодного запястья. Да, гражданин Залесский жив. Пульс нормальный, четкий. Я приподняла веко – на меня глянул мутный недвижный глаз. Да, обморок, старикан не ошибся.

Сам гражданин Молитвин застыл у окна, глядя на окрестные крыши. Я подошла, стала рядом.

– Хотите меня арестовать?

На бледных губах – бледная улыбка. Вблизи его лицо выглядело усталым, больным. Неудивительно, неделю назад чуть ли не с инсультом валялся. Как еще встал, старикашечка?! Итак, хочу ли я арестовать гражданина Молитвина?

– Нет. Арестовывать вас нет оснований.

Оснований нет. Для ареста. А вот для всего прочего...

– Вместе с тем, гражданин Молитвин, вы очень нужны следствию. Если бы не наша встреча, завтра же объявила бы розыск. Как свидетеля.

И это – почти правда. Быть может, и объявила бы. Один адресок в тетради у Очковой дорогого стоит!

Бледные губы шевельнулись, но на этот раз гражданин Молитвин предпочел промолчать. За нашими спинами послышалась какая-то возня, тихий стон – и нервный вскрик Идочки: «Смотрит! Смотрит!» Я вздохнула. Врача бы сюда! Знахари-пекари, хироманты-гадалки!

– Кстати, Иероним Павлович, вы ведь Алику соседом будете? Тут прописаны, в этом доме?

Он кивает – все так же молча.

– А кто тогда проживает на Гвардейцев-Широницев? Двадцать второй дом, если не ошибаюсь?

Губы сжались, но ответ прозвучал спокойно, и в этом спокойствии звенел лед:

– Квартиру по указанному вами адресу я снимал для моих личных целей. А вообще-то предпочитаю общаться в присутствии адвоката. Конституцию еще не отменили?

Ну-ну! А может, и те 300 гр. – тоже для адвоката? Тертый, видать, гражданин! Ничего, не он первый.

Сзади уже слышался плеск. Гражданина Залесского купать изволили.

– Я бы настоятельно советовала вам, Иероним Павлович, оказать следствию помощь. Иначе обижусь, вызову архаров – и отправлю всю вашу компанию вплоть до выяснения. Сорок восемь часов, согласно Конституции. А потом продлю. С санкции прокурора – до месяца.

Кажется, дошло. Послышался тяжелый вздох:

– Вам сколько было в 91-м? Лет двенадцать-тринадцать? Значит, скорее всего, не помните. А я вот помню – радовался. Радовался, что такие, как вы, больше не сможете... Ладно, чего вы хотите?

Хочу-то многое. Но для начала...

– Завтра вы встретитесь с одним человеком и ответите на его вопросы. Кстати, он не из наших. Ученый – как и вы. Магистр мифологии. Лучший ученик Буриана Пражского.

И тут он вздрогнул – резко, всем телом. Глаза превратились в щелочки:

– Магистр, говорите?.. Хорошо, завтра в полдень. Я буду здесь, возле Алика. Так что не бойтесь, не убегу.

В голосе его звучало нечто, напоминающее презрение. И вдруг – проклятая память! – мне вспомнился Саша. Когда он начинал говорить о наших – госбезопасности, прокуратуре и прочей ментуре, его голос так же...

Не смей! Не смей! Не сейчас!

3

А через час стало ясно, что не слышать мне рокота струн гитарных, не спеть чибиряк-чибиряшечка и кадриль не сплясать. Отменялась гитара. По крайней мере, на сегодня. У Мага по имени Истр оказалось много дел, и я в их число не входила. Не сотруднику Стреле обижаться на гостя. Мое дело простое: встретить, помощь оказать. Встретила, оказала. Что еще понадобится – сделаю. И все. Даже то, что я его привезла с вокзала к себе на квартиру – уже нарушение. Кофием думала напоить, дура! Коньячком прельстить!

Договорились на завтра. Игорь решил остановиться в гостинице, с утра отправиться в университет, затем – на встречу с Неуловимым Джо; а вечером – заглянуть ко мне. С гитарой. Опять нарушение, но не объяснять же ученику неведомого мне Ярослава Буриана, что такое хорошо, и что такое плохо с точки зрения конспирации. В конце концов, мы, так сказать, коллеги. По научной части.

После его ухода квартира показалась мне особенно пустой. Странно, день так хорошо начинался! Точнее, начинался так себе – с гражданки Очковой и фаллоимитатора, но после, на вокзале, почему-то показалось... А вообще-то креститься надо, если кажется! На что я, интересно, рассчитывала, дура?

Оставался компьютер, и оставался доклад, который следовало подготовить к вечернему разговору. Если сегодня опять придется общаться с Пятым, точно не выдержу – завою среди ночи.

На страх соседям.

* * *

Здесь Девятый. Добрый вечер! Как дела, голубушка?

Я облегченно перевела дух. Нет. Слабо сказано – дух перевела! Да я чуть от радости не завопила!

Здесь Стрела. Я стараюсь, но очень устала. Очень! И писем нет. Помогите, а?

Вдруг представилось, что этакое читает Пятый... Нет, и представлять не хочу!

Голубушка, а может, вас отозвать? Завтра же. Вы свое сделали. Теперь специалист справится и без вас. Недельку в психушке посидите, а потом – в отпуск!

Смеющаяся рожица на экране. Я улыбнулась. Старый добрый дедушка сидит в глубоком вольтеровском кресле, в руке серебряный подстаканник с черным чаем. Сейчас сказку расскажет. Сказку про отпуск на теплом пляже, где по серому песку катится синий мяч, а в море, которое на самом деле не море, а самый взаправдашний океан, плавают акулы...

Нет, акул не надо! С чего это я вдруг подумала об акулах?

Девятый! Спасибо, но ведь я здесь нужна, правда? Нужна?

Минута, другая. Добрый дедушка думает, длинные тонкие пальцы застыли на подлокотнике вольтеровского кресла. И сам он в эту минуту похож на Фернейца.

Нужны, голубушка! Вы уж постарайтесь, немного осталось. А насчет писем могу лишь посочувствовать. Мой старший тоже не пишет – звонит раз в полгода, и все. Кстати, это вам!

Надпись исчезает, и на черном экране медленно проступает белый четырехугольник. Вот он покрывается рябью, пробиваются цвета – синий, желтый...

Снимали относительно недавно. Внизу маленькие цифирки: 06.10.16:40. Она не одна – рядом с наглым видом возвышается загорелый парень, по-хозяйски положивший руку на ее плечо. На миг сердце резануло горячей ревностью. Да как он!..

Я улыбнулась, покачала головой. Да вот так, Стрела! Очень просто!

...Синий мяч катится по серому песку, девочка бежит за ним, на миг оборачивается, смеется. Маленькая девочка – ростом с зимний сапожок...

Девочке уже семнадцатый пошел. А мне, старой бабе – тридцать пятый. Вот так! А сей загорелый демон – скорее всего, тот самый Пол, который шпрехен зи русиш. Ох, приеду, ох, наведу шмон!

Фотография исчезла быстро, но я оказалась проворнее. Палец лег на save as... Есть! Как только кончится разговор, включу принтер.

Девятый, спасибо! Вернусь – лично поцелую. Пока же лобызаю виртуально.

Смущен. Красною. Держитесь, голубушка. Если что, немедленно илите сигнал Этна. Лично полечу вас вытаскивать.

Старый добрый дедушка надевает пятнистый комбинезон, деловито подтягивает ремень десантного АКС-99... Но рожица не смеется – сейчас Девятый не шутит.

Ну что тут сказать?

Спасибо. Еще раз. И еще раз – на будущее. Стрела.

Все!

Теперь можно выключить компьютер. Нет, сначала включить принтер, выкатать снимок, всплакнуть...

Воздух. Воздух. Воздух.

Я замерла. Экран посинел, словно кому-то там, в неведомой дали, и вправду не хватило кислорода. Секунду-другую я смотрела, не понимая; затем, наконец сообразив, бросила пальцы на раздолбанную клавиатуру.

Воздух. Мать твою, экстренная связь! Ну, ничего себе!

Здесь Стрела. Слушаю!

Воздух – вне очереди, вне любых графиков. За пять лет – ни разу!

Здесь Пятый. Будьте готовы для приема важного.

Опаньки номер два...

Хорошее настроение куда-то исчезло, сменившись знакомой злобой. Ну хрена ему нужно? Война? Да хоть и война, мог бы так не пугать. Что за мода пошла у начальства – раздельные сеансы связи проводить?

Пятый – внедренному сотруднику Стреле. Срочно. Секретно. Разглашение запрещено. В настоящий момент вы подвергаетесь явной и непосредственной опасности. Ввиду невозможности проведения эвакуации по варианту Этна, настоятельно прошу и требую. Первое...

Холодный пот – это мелочь. Вот когда кончики пальцев холодеют – это плохо. Пятый – дурак, но с явной и непосредственной даже дурак шутить не станет.

...Категорически запрещаю любые личные контакты со специалистом, не относящиеся непосредственно к работе. Повторно и настоятельно запрещаю любую откровенность личного порядка. Второе. Встреча специалиста с Молитвиным должна быть проконтролирована согласно стандартной процедуре. Результаты контроля – экстренно по каналу Проба. Как поняли Воздух, Стрела?

Что ответить? От идиота слышу? Азия-с, не поймут-с. А жаль!

Сотрудник Стрела поняла Воздух правильно.

Ну, козел гребаный! Напугал до мокрых трусов, а всего делов-то... Стандартную процедуру ему!

Козел!

4

...Саша сидит прямо на траве в своей старой линялой куртке (кажется, их и называли штормовками), в руках – сигарета, по белесому небу беззвучно несутся огромные черные шмели.

– Ты мне почти не снишься, Саша. Почему сейчас? Почему я тебя все время вспоминаю?

Я знаю, что вижу сон, и даже понимаю, почему. Перенервничала, передумала, ко всему еще – кретин Пятый. Любой психоаналитик из новичков в два приема разъяснит. Но все-таки, почему?

Он молчит, смотрит в сторону. Можно и не спрашивать, ведь это сон, я разговариваю сама с собой. Но удержаться трудно.

– Что-то случится, да? Что-то плохое?

Саша медленно кивает, и вдруг я понимаю – правда.

Случится.

Или уже случилось.

Небо надвигается, каменеет, черные шмели множатся, пляшут перед глазами.

– Со мной? Или... Нет, с нею ничего не может случиться, правда? Ну, скажи! Кивни!

Он молчит. Спрашивать бесполезно. Саша давно мертв, и я все должна понять сама. Понять. Сделать. Умереть. Как получится...

И тут я вижу, что нелепая штормовка исчезает. На Саше белая рубашка – та самая, с неаккуратно пришитой пуговицей. По груди расплзается красное пятно...

Я кричу – громко, изо всех сил. Кричу – но не могу проснуться.

Наверное, это и есть Ад.

Пятница, двадцатое февраля

**Локальный чемпионат по матоборью * Батюшки, внушка
и Жучка * Воскресение Капустняка-великомученика
* Железная Марта * Тебе бы прокурором быть, Эми!**

1

– Аллю, Гизело слушает!

Трубка в руке, но я еще сплю. До привычного воя будильника не меньше получаса. Хотела бы я знать, какого черта!..

– Слушаешь? Так разуй уши, подстилка прокурорская! Братва тебе передать велела: харе копать под Капустняка. Усекла? А не усекла, так мы тебя, суку, месяц в жопу трахать будем, а потом в бетон зальем и насрем сверху. И родичей твоих замочим по списку! Усекла, падла?

Усекла. Уже дрожу.

– Чего молчишь? Обоссалась?

Угу. Ой, и страшно же мне! То есть в первый миг, конечно, пуганулась, но на уровне неожиданного хлопка над ухом – не больше. А голосок-то женский! Повесить трубку? Ну нет, сама нарвалась!

– А теперь ты сними гнид с ушей, бикса коцаная! За подстилку жопой своей сраной ответишь, а братве передай перед тем, как они тебя на клык ставить будут, что петухи они грязные...

Для такого ответа можно и не просыпаться. Нажми кнопку – само полетится. Когда-то в колонии мы чемпионат устроили – по матоборью. Кто кого дольше; до первого повтора. Моя респондентша и на третий разряд не потянула бы.

Слушала она долго, минуты две, и лишь после повесила трубку. Можно было идти под одеяло – досыпать. Досыпать, и потом, за кофе, делать два простеньких вывода.

Во-первых, мы с дуб-дубычем на верном пути.

А во-вторых, никакая братва ничего мне не передавала, и я зря распинаясь перед этой стервой. Братва, а тем паче железнодорожники, предупреждают иначе. Значит, либо перепуганная дилетантка – либо что-то совсем другое, о чем и думать не хотелось.

Уходя из дома, я машинально заглянула в почтовый ящик. Вкупе с местной газетой «Время» и листком рекламы моющих средств там обнаружилась странная бумаженция.

Я пригляделась.

На море-окияне, на острове Буяне, стоит стол, Божий престол, на столе лежит дело белое, закаменелое, за столом сидят судья и прокурор. Господи, Мать Пресвятая Богородица, окамени им губы, и зубы, и язык – как

мертвый лежит, не говорит, так и они б не приписывали, не придирались, не взъедались! Как лист опадает, так бы ихние дела от меня отпадали. Аминь. Аминь. Аминь.

Края листа был явно смазан клеем и засыпан поверх серым маком.
Словно бублик.

Я неслышно выругалась, в клочья разорвала подосланный наговор и, выйдя на улицу, пустила обрывки по ветру на все четыре стороны.

* * *

Обложат поутру – будут обкладывать весь день. Почти примета. Причем из тех, что сбываются. Так и вышло.

Не успела я освоиться за своим рабочим столом и прикинуть: сразу к дубу идти или Петрова-буяна обождать? – как дверь с жалобным треском (видать, ногой поддали!) отворилась.

– Твою дивизию, Гизело! Хрена ты себе позволяешь? Думаешь, незаменимая, да? Так мы таких незаменимых на четыре кости...

– Добрый день, господин Ревенко. Вы правы, погода сегодня – хоть куда! Солнышко...

Погода и впрямь неплоха – впервые за целую неделю. Мороз и солнце, день чудесный... Жаль, не начальнику следственного сие оценить!

– Мы, Гизело, с тобой долго панькались! А теперь все – баста! Саботажа терпеть не будем! Непохмелен. Небрит. Невежлив. Невоспитан. Не в себе. Не...

На мой стол мягко планирует толстый шуршащий журнал на ненашем языке. Большой красный кулак припечатывает его прямо к серому сукну.

– Допрыгалась?

Рявкнуть? Раз рявкну, два гавкну, этак совсем в собаку превращусь.

– Виктор Викторович, а можно еще раз? Или переводчика позовем?

Багровая физиономия застывает в немом удивлении. Наконец, сообразив, кто таков загадочный Виктор Викторович (наверное, в жизни его по имени-отчеству не называли!), Ревенко бухается на стул, машет широкой ладонью.

– Переводчика тебе? Шуточки-бауточки? Да шефа чуть кондратий не хватил! Журналаги, мать их, с утра мэрию осаждают...

Толстый палец тычет в журнал. Ладно! Беру, читаю. С трудом читаю – по-немецки все-таки. Впрочем, фотографию отца Александра узнаю сразу. Так-так, «Шпигель», свеженький. Когда доставить успели? А вот и заголовок. Второе слово – *Gewissen* – совесть, первое – *Gefangene* – пленник, нет, скорее узник. Между ними *der...* Стало быть, Узник совести. Что и следовало ожидать. Я ведь предупреждала!

В номере было все: и письмо самого отца Александра, и послание Валентина, архиепископа Берлинского (он же член синода Зарубежной Православной), и, конечно, статья. Фотография отца Николая тоже имелась, но маленькая – в самом конце, рядом с видом нашей тюрьмы, что на макушке Холодной Горы. Тут есть, чем гордиться. Белый Лебедь (а хорошо прозвали!) уцелел даже во время Большой Игрушечной. Только покрасить пришлось.

– С тюрьмой – прокол, – сообщила я, откладывая журнал. – Граждане Егоров и Рюмин содержатся в нашем изоляторе, так что можем требовать опровержения. В остальном, боюсь...

– Ты Ваньку-то не валяй, Гизело! – теперь в его голосе не рык, а хрип. – Здесь, мать его, прямо сказано, что письмо попа этого ты переслала! Что, не так?

А ведь обидно! Могла бы и переслать. Но меня не просили...

– Вот! Гляди! Черным по-русскому – следовательно прокуратуры Гизело, это письмо, передала. И как передала, тоже сказано – через прессу и адвокатов.

– Ну, положим, не совсем по-русскому, – уточнила я и вновь взяла журнал. Ага, здесь *Chungsrichter*... Ишь ты!.. Следователь прокуратуры Гизело...

Дело идет со скрипом, и я подумываю, не включить ли компьютер – там у меня неплохая программа-переводчик. Впрочем, главное понятно и без подсказки. Кто-то из пушкинских персонажей хорошо выразился о знании грамоты перед намыленной петлей.

– Сами переводили?

Смутился. Впервые за весь разговор.

– Да оно мне... Я, Гизело, в школе английский учил. Лидка перевела. Ну, ты знаешь...

Знаю. Вся прокуратора знает. Лидия Ивановна Жукова, кличка Жучка. Я бы с такой кличкой и часу не прожила – застрелилась. А наша Жучка ко всему еще и полиглотка. Полиглотка. Гм-м... Ладно, по поводу сего не мне судить, а вот что касается статьи...

– Здесь сказано следующее: Письмо отца Александра получено не по официальным каналам, поскольку следователь прокуратуры Гизело препятствует общению арестованного не только с прессой, но и с его адвокатами. Препятствовать! *Hindern!*

И снова обидно. Ведь не препятствовала же! Гражданин Егоров сам от адвоката отказался!

Ревенко тычет пальцем в абзац, сопит над самым ухом.

– А не врешь?

Я гляжу на часы. Десять. Бравый сержант Петров ждет в приемной.

– Вот что, Ревенко! Сейчас вы пойдете и возьмете словарь. Потом вернетесь – и извинитесь. Все!

Послушался. Сам, конечно, переводить не будет, опять Жучку посадит. Ничего, ей полезно – поли-глотке!

Все это было бы смешно... Но это совсем не смешно. Опальные батюшки по-прежнему в камере, статья едва ли поможет, скорее еще больше раздракнит наших Торквемад, а мне сейчас предстоит душевный разговор о стандартной процедуре. Вновь, в который раз, гляжу на табло говномера. Зашкаливает!

2

Что такое стандартная процедура довелось узнать лет эдак с тринадцати. Точнее, о многих стандартных процедурах, поскольку в каждом деле есть своя. Арест – кидают лицом на пол, наступают сапожищами на ладони. Обыск – ставят лицом к стене, лезут пальцами в задний проход. А потом... А потом, согласно очередной стандартной процедуре, я обеспечивала освещение объекта «Паникер». Вначале приходилось писать все разговоры, потом поверили – разрешили выбирать самой. С тех пор в постели я могла расслабиться – если, конечно, в спальне не стоял жучок. Контроль внедренного сотрудника – тоже стандартная процедура.

Теперь буду освещать Игоря. Игоря Дмитриевича Волкова. Так мне и надо...

Бог весть, может, и вправду существует телепатия. Во всяком случае, этим утром старший сержант Петров посматривал на меня с особенным неодобрением. Пугануть? Ни к чему, что могла, давно сказала.

Лучше по-другому.

– Как поживает гражданин Залесский?

Тяжелый вздох. Видать, поживает не очень.

– Да так себе, Эра Игнатьевна. Без сознания. Еле-еле воду пить может.

Зря не послушалась и скорую не вызвала! Этот Молитвин, похоже, только по кентаврам спец. Вроде коновала.

– О гражданине Крайцмане ничего нового?

Нахмурился. Дернулись губы.

– Нет...

Нет – и спрашивать нечего. Впрочем, одна мыслишка упрямо не оставляет. Глупая, конечно...

– Извините, Ричард Родионович, за такой вопрос. Вы... Или гражданка Крайцман... Не пытались узнать о вашем друге как-то... по-другому?

– У гадалки?

Хотя бы у гадалки. Город наш непростой.

Говорить ему явно не хотелось. Губы вновь скривились:

– Да как вам сказать, Эра Игнатьевна? Пробовали, в общем. Ерпалыч... В смысле, гражданин Молитвин, его, Фимку, вроде бы услышал. То есть не его, а как сердце бьется. Говорит, жив и не болен... Да ни черта я этим сенсам не верю!

И я не верю. Правда, гражданин Молитвин не прост. Ох, не прост старикан, кентов одним словом смиряет!

– Я про психов узнал.

Это про каких? Но сразу вспомнилось: о тех, к которым и загремел доктор-биохимик.

– Я Андрюху Дашкова... Того, про которого я вам говорил... Ну, накрутил я его, чтоб с архарами потолковал. Не прямо, конечно, это я понимаю. Он, Андрюха, мастер всякие жутики пересказывать; иногда так завернет, что ночью, извиняюсь, в сортир сунуться страшно. Стал он архарам этим про маньяков вкручивать, ну и... В общем, это место иначе называется. Голицыно. Или Голицыны.

– Психи Голицыны, – вздохнула я, доставая карту. Бесполезно: я и так помнила, что ничего подобного у нас в области нет. Ни Голицына, ни Голицыных. И Психов Голицыных – тоже нет.

– А может, это фамилия директора дурдома?

Он лишь пожал плечами. Это узнать просто, но разгадка не здесь.

Все, исчерпались. Пора.

– Сегодня в полдень гражданин Молитвин на квартире вашего друга Алика встречается с одним человеком. Вы должны быть там и обеспечить безопасность. Ясно?

– Буду.

Я вздохнула, достала из сумочки диктофон. Маленький такой, черненький.

– Положите в карман и запишите разговор. Ровно в девятнадцать по нулям доставите ко мне на квартиру. Это тоже ясно?

Кажется, он хотел вскочить, но сдержался. В глазах горела ярость.

– Стукачком делаете... гражданка следователь?

Лучше бы по лицу ударил! Нет, парень, не ты здесь стукачок, не ты!

– Гражданин Молитвин проходит свидетелем по важному уголовному делу, – скучным голосом начала я. – Если конкретнее, то по делу об убийстве. Нераскрытом убийстве, сержант! Вы понимаете, что это такое?

Ярость исчезла – он слушал. Что такое нераскрытое убийство в нашем городе, даже жорикю понять можно.

– Впридачу мы ищем гражданина Крайцмана. Кто знает, что в разговоре выплывет?

Я давила – куда можно и куда нельзя. Господи, ведь не простится!

– Официальную санкцию на запись выдадите?

В голосе слышалась издевка. Это был уже перебор. Явный. Мент поганый! Дон Кихота из себя корчит!

– На вас три статьи висят, старший сержант. Хотите еще отказ от помощи следствию? Статью назвать?

Не понадобилось. Петров медленно встал, скрипнул зубами, рука потянулась к диктофону.

Я отвернулась.

3

За столом возвышался розовощекий дуб, и была золотая цепь...

Впрочем, я это уже видела. А если не это, то нечто, весьма...

– Привет, подруга!

Я открыла рот, дабы навести порядок в дендрарии (хоть бы встал, негодник, дама все-таки зашла!), открыла – и закрыла.

На дубе оказались очки.

Обычные, дешевенькие, с толстыми вогнутыми стеклами, они странно смотрелись на румяной физиономии, создавая иллюзию невероятного явления. Если бы я не знала, кто передо мной, то могла бы решить, что вижу следователя Изюмского, напряженно размышляющего над грудой бумаг. Размышляющего! Думающего! *Homo sapiens!*

Бред! Конечно, бред, все это – из-за очков!

– Ты посиди, Эра Игнатьевна, тут, блин, концы с концами...

И блин на месте, и тыкает, мерзавец, но... Чудо Маниту, не иначе!

Дуб поднес какую-то бумаженцию к самым глазам, почесал лоб, вздохнул:

– Блин!

Бумага легла на стол, очки присоседились рядом, дуб стал дубом, но странное чувство не исчезло.

– Никогда не видела, как мой дядька по стенкам бегают?

Я моргнула. Потом еще раз. Он что, шутить научился? Бегающего по стенкам Никанора Семеновича я пока не видела, но в чем дело, догадалась сразу.

– Из-за статьи в «Шпигеле»?

– Ага, – дуб вновь устало потер лоб, хмыкнул.

– Хрена им всем попы эти сдались? Тут такой компот!.. Ну че, рассказать?

Признаться, я шла в сие место, дабы узреть на столе бутылку коньяка и напроситься на рюмку. В такое славное утро – не грех. Даже немножечко, чайную ложечку...

– Рассказывайте, Володя.

Теперь моргнул уже он, но опомнился удивительно быстро.

– С чего начать? С херни или с фигни?

Кажется, я рано обрадовалась. Дуб есть дуб. Но если выбирать...

– С херни, конечно!

Он порылся лапищей в куче бумаг, достал нужную.

– Во! Значит, так. Настропалил я Жучку, то есть Лидку Жукову, чтобы она по Интернету полазила. Она и так там вечно лазит, мужиков голых ищет!

Ай, Жучка! Знать, она сильна!

– Это с центрального, как его, блин? А, сервера! Интерполовского.

Распечатка. Оригинал, естественно, на английском. А вот и перевод. Наверное, полиглотка и переводила. Да она прямо нарасхват идет! Так-так, двенадцатого октября в городе Порту, Португалия, в гостинице «Король Альфонс»...

Внезапно я почувствовала, что дурую. То есть я уже дура. Законченная. А как иначе, если двенадцатого октября в этой самой гостинице...

Труп разыскиваемого Интерполом международного преступника Бориса Панченко, он же Андрей Столярян, он же Эдуард Геворков (начитанный, падла!), известного также под кличками Бессараб и Капустняк, был найден в туалетной комнате. Смерть наступила от передозировки наркотика фленч.

Следов насилия не найдено, в номере обнаружена большая сумма в долларах США, пистолет байард, проспекты лиссабонского клуба геев Маре и... И многое, многое другое. Отпечатки пальцев, группа крови, особые приметы...

– Вот еще.

А вот и еще. Фотографии: знакомая черная борода, крестик на волосатой груди. Он! И так, Капустняк давно мертв, а я – дура. Мы дураки. Классический ложный след...

– Ну че? Херня выходит?

Куда тут спорить? Она, родимая, и есть.

– А где фигня, Володя?

Можно и не спрашивать. Фигня – это то, как лихо нас провели в «Казачке Мамае». А если бы не Жучка? Бегали бы еще год, искали мертвеца.

Дуб пошелестел бумагами, поднес к глазам распечатку.

– А теперь, блин, фигня. Это из Москвы, свежая. По оперативным данным, пятнадцатого января там состоялась сходка авторитетов. Делили западносибирскую часть нефтепроводов, их раньше тюменцы держали. Так вот, от железнодорожников был Капустняк. Присутствовал, сука! Теперь Лейпциг, конец января. Там, блин, Капустняка тоже видели...

– Двойник? – ляпнула я первое, что в голову пришло.

Широкие плечи дуба неторопливо поднялись. Поднялись, опустили.

– Да пес его знает! В Москве он же среди своих был, они его, как облупленного... А в Лейпциге он у Шиффи Клаудии гостевал, у модели этой. Трахал, ее в общем. Он ее давно трахает.

Да, мужика в постели трудно перепутать! Или этой Шиффи все едино, были бы доллары впридачу к черной бороде?

– Ну, а с февраля он, блин, у нас ошиваться стал. Вот, по дням. Тряхнул я свидетелей, запряг трех гавриков, чтоб всех опросили...

Всех – это завсегдаево «Казачка Мамае». В феврале Капустняк был там трижды. Ел, пил. Общался. С некоторыми – очень тесно, но уже не в баре. В том числе со своими старыми друзьями, общим счетом с тремя. Плюс бармен Трищенко, плюс вольный стрелок Кондратюк. А вот с Очковой его не видели. В феврале она была в «Мамае» только раз – в самом начале.

– Это еще не вся фигня, Володя!

Вспомнилась милая утренняя беседа по телефону. Рассказать? Вроде бы, к месту выходит.

Дуб слушал внимательно, хмурился, крепкие пальцы комкали ни в чем не повинную бумагу.

– Ясно, подруга! Вот, блин, тварь! Думаешь, Очковая звонила?

– Думаю, – кивнула я. – Случайного человека они привлекать бы не стали. Зачем лишний раз имя Капустняка называть? А женщин там и нет, одни лица нетрадиционной... Пидоры, в общем.

Мы оба засмеялись, хотя смеяться было не над чем.

– И еще одно, Эра Игнатьевна, – на этот раз в его руках была не бумага, а целая папка. – Дело «Турист-траст». Видели его там. Дважды. Заходил в офис в начале февраля.

Бумаги я смотреть не стала. Уже просматривала – в кабинете Никанора Семеновича. «Турист-траст» – лихая фирмочка, вербовавшая молоденьких дурочек на интересную и высокооплачиваемую работу в Греции и Италии. Курсы манекенщиц и секретарш, рост не ниже, бюст не меньше... Пока спохватились, два десятка дурочек с ростом и бюстом укатили в неизвестном направлении. Дело завели только десять дней назад, когда мамаша одной из них наконец-то сообразила.

Раз, два, три, четыре, пять, Капустняк шел погулять... Нет, это Молитвин шел гулять, а Капустняк встретил его, триста гр. вручил.

Час от часу не легче.

4

На моем рабочем столе я обнаружила знакомый номер «Шпигеля». К нему прилагалась записка, исполненная на обрывке (скорее, огрызке) бумаги, почему-то нотной. Почерк ужасный, но разобрать оказалось все-таки можно. От Ревенко? Да от кого же еще!

Ты, Гизело, меня извини! Жуковой, стерве, оборву все, что висит!

Вот так! Лично извиняться не пожелал. Остается утешиться видением экзекуции над Жучкой. Подвесит ее Ревенко к люстре, возьмет клещи, а еще лучше – овечьи ножницы...

Полюбовавшись размашистой подписью, я спрятала записку, а заодно – и журнал. Пригодится – там в конце, кажется, о новых моделях Версаччи-младшего...

– Дзинь! Дзи-и-инь!

Снова-здорово! Кого черт на этот раз!..

– Гизело слушает!

– Эра Игнатьевна, к вам гражданка Крайцман звонит. Говорит, срочно.

Гражданка Крайцман... Собственно говоря, это дело я официально не веду, да и порадовать ее нечем.

– Соедините.

Бип! Би-и-ип! Старый у нас коммутатор, странно, что по сей день работает. Говорят, Тех-ники каждый день по три буханки переводят перед иконой Святого Александра Нижнетагильского...

– Алло! Я говорю с Эрой Игнатьевной Гизело?

Голос в трубке – железный. Каждое слово – как подкова. Бац! Бац!

– С нею. Добрый день.

– Я Марта Крайцман. Вы слышите? Крайцман!

Крайц! Крайц! Бац! Бац!

– Я звоню по поводу моего сына – Ефима Гавриловича. Как мне сказал Ричард Родионович, вы имеете отношение к его поискам...

Голос гремит, лязгает. Так и кажется, что сейчас прозвучит: *Приказ Верховного Главного командующего... Всемилостивейше повелеть соизволил... Каждого десятого – расстрелять. Каждого третьего – повесить. Остальных – на минное поле...*

– У меня есть новые сведения о нем. Мой сын жив и здоров. Вы слышите?

– Слышу.

Видимо, она тоже сходила к гадалке. Или Неуловимый Джо Ерпалыч обрадовал.

– Ефим Гаврилович только что мне звонил...

Моя челюсть начинает отвисать, но очень ненадолго. А почему бы и нет? Ищем, ищем мы Фимку, а гражданин Крайцман к подружке махнул.

Куда-нибудь в Бухарест.

– Он звонил по сотовому телефону. Прошу обратить внимание на то, что такого телефона у него нет. Говорил издали, но в пределах области.

Подковы вбивались в асфальт. Вот это нервы! Чудеса! – у нее хватило сил сообразить, что после разговора трубку вешать не надо, а надо положить ее рядом с аппаратом и – бегом к соседям...

– Ефим Гаврилович сообщил мне, что он жив, здоров и нашел себе новую работу. Голос его звучал в целом нормально.

В целом нормально. Хорошо формулирует!

– Простите, Марта...

– Марта Гохэновна.

Я слотнула. Гохэновна. Тоже вариант!

– Марта Гохэновна, он ничего не говорил о своей новой работе?

– К сожалению я не успела записать разговор. Кажется, он употребил слово интересная. Даже чертовски интересная. Однако, прошу учесть, Ефим Гаврилович – человек увлекающийся. Но я все же полагаю, что он говорил искренне. Его не принуждали. Обещаю следующий разговор записать и передать вам.

И тут – стандартная процедура. Побольше бы таких сознательных!

– Я могу рассчитывать, что со стороны прокуратуры будет предпринято все необходимое для поисков Ефима Гавриловича?

Товарищ Жюков! Ви уже взяли город Берлин? А не то ми вас накажем!

– Можете, Марта Гохэновна. Можете.

Рассчитывать она, конечно, может. Все мы можем на что-то рассчитывать. Я, например, на сигнал «Этна». Только вот Пятый намекнул. Очень плохо намекнул: ввиду невозможности проведения... Неужели врут? Неужели бросят?

В трубке давно гудел отбой. Я прицелилась, дабы водворить ее на место, но внезапно взгляд скользнул по циферблату. На Роллексе без четверти двенадцать, Молитвин, наверное, уже на месте, трубка в руке – судьба! Заодно и спросим...

Писклявый голосишко произнес: «Алло?» Даже на «Алло – Але?»

Ага, курипочка!

– Гражданка Бах-Целевская, пригласите к телефону гражданина Молитвина!

В ответ – испуганное «Ой!», молчание и, наконец:

– Он занят! Просил не беспокоить!

– Тогда я вас побеспокою! – озлилась я. – Гражданка Бах-Целевская, когда у вас срок прописки истекает? Через месяц, кажется?

– Ой!

Опять молчание, на этот раз долгое. Что-то стукнуло, словно трубку уронили, а затем вновь подняли:

– Зачем ребенка пугаете, Эра Игнатьевна?

– Добрый день, Иероним Павлович! – подхватила я. – Это я еще не пугаю. Я вообще никого пугать не собираюсь. Просто хочу напомнить, что у вас сегодня в полдень...

– Склерозом не страдаю.

Его голос звучал холодно, со знакомым презрением, но на этот раз меня его тон только позабавил. Пусть себе. А хорошо получилось: Игорь как раз приехал, а ему – подарочек. Злись, злись, сейчас ягодки пойдут, вслед за цветочками!

– Заодно объясните, пожалуйста, что за дела у вас были с гражданкой Калиновской Любовью Васильевной, а также с гражданином Панченко Борисом Григорьевичем?

– Никаких!

Прозвучало решительно – и весьма, но пять лет в прокуратуре не проходят даром. Испугался! А вот тебе еще!

– Триста гривен, конечно, не деньги, но если учесть, что ваши знакомые проходят по мокрому делу!..

Теперь – пауза. Осмыслил?

– Хорошо, слушайте...

Осмыслил!

– В последнее время я занимался частной практикой – по тому адресу, о котором вы меня спрашивали. Нечто вроде Тех-ника-любителя. Или кустаря, не знаю, как лучше выразиться. Мелкий ремонт, ссоры в семье, насморк у младенцев. Панченко я не знаю, а Калиновская месяца три назад заказала мне одну мелочь. Вполне законную мелочь. Я сделал. Тогда она стала

намекать, что мною интересуются, как она сказала, серьезные люди. Конкретно она называла какого-то Капустняка. Я отказался, тогда она... Или уже не она, не знаю. В общем, прислали странного человека – уговаривать. Но я снова отказался. Вот и все.

Все?

– Ваши дальнейшие неприятности – из-за этого?

– Отчасти... Извините, гражданка Гизело, мне надо к Алику... к гражданину Залесскому. «Гражданка Гизело» прозвучало просто бесподобно.

– До встречи, Иероним Павлович!

Отвечать было некому – в трубке гудел отбой.

5

Нынче милому прийти,
Он, поди, уже в пути.
Холодильник я набила...
Ой, чемусь произойти!

Частушки мне никогда не нравились. И я вовсе не удивилась, когда Саша рассказал, что выдумали их не русские, а татары. Выдумали – и презентовали вместе с игом. Мне-то, конечно, что русские, что татары – едино, но частушки не люблю. Балалайка, косоворотка, онучи... Или опорки, не помню уже. Однажды мы с Сашей были в столице, зашли в «Националь», а там – балалайки. Как сказано в одной книге – свежесрубленные, размером с избу. Саша смеялся, вспоминал каких-то ярославских ребят. Интересно, когда это было? При Мамае?

Но так или иначе, а холодильник я набила. Жаль, готовить не было времени, но магазины у нас неплохи, а микроволновка у меня отличная – завода «Коммунар», с обязательной голограммой Святого Пелузия (не с наклейкой-самodelкой, которую каждый месяц менять надо, а с настоящей фабричной). Удобно: даже булочку крошить не надо, сама греет, сама и жертву бескровную творит.

За счет перепада температур.

Конечно, есть микроволновки и получше, со знаком качества (пентакль, в нем Неспящее Око, гарантия – сто лет), но на подобное даже моей зарплате не хватит.

В баре тоже все в порядке. Эх, дуреха, не удосужилась спросить, что, собственно, Игорь пьет. Я его все коньяком пичкала, а вдруг он водку любит? Водка-то есть – всякая: даже «Вулык», солодка медова настоянка сорока градусов – умеют ведь, алхимики! А если вино? Сухое? Десертное? Вин разных – море, всех не напасешься.

Да, подготовилась. Как бишь это под балалайку будет?

Полюбила я шпиена
В ходе тайной акции.
Будем мы лобзать друг друга –
Вплоть до ликвидации!

Бр-р-р! Пошутила, называется! Слава Богу, Игорь не из нашей конторы! И я ничуть не нарушаю строгий приказ Пятого, поелику не пригласить в гости своего, так сказать, коллегу – подозрительное хамство. Ну, пиццу съедим, ну, чайку попьем. Вот если бы я, дура старая, достала бы сейчас булочку, разожгла конфорку да прочитала пару-тройку строчек из брошюрки, что прикупила по пути домой! Купила, хотя самой стыдно. Просто так прихватила –

киоскерша понравилась: старенькая такая, улыбчивая, я у нее всегда газеты покупаю. Купила и это. Пусть в сумочке лежит, читать не буду. То есть вслух не буду, а так, глазами...

Типографская краска на обложке смазана – точь-в-точь на физиономии полногрудой молодки, оседлавшей заголовок. Заголовок гласит: «Любоши», для непонятливых же имеется пояснение: «Любовные заклинания и заговоры». Рекомендовано областным комитетом по делам молодежи. Ну-с, что там обо мне?

Перед первым свиданием, При полюблении чужого мужа/жены, От преждевременной потери девства. Богатый репертуар! А насчет кентов есть? Конечно, есть: *От любострастия китовраса (кентавра).* Я уже хотела спрятать забавную брошюренцию, но тут мой взгляд скользнул по чему-то более близкому.

При полюблении молодого. Добыть нитку, пуговицу или вынуть следок (см. Предисловие), после чего ровно в полночь раздеться догола, зажечь алтарку... Это не надо... А вот и слова: «Месяц на небе, уж в земле»...

Ни в чем не повинная книжица полетела на пол. Дура! Ой, дура! Прав Девятый, пора в дурдом! Бедный Игорь, еще за китоврасиху меня примет!

Я подошла к зеркалу, взглянула... Что есть, то есть, могло быть и хуже. Было бы время, забежала бы в соседний салон красоты (тот, что «Под Святым Феофилактом») или хотя бы крем прикупила, который с освященным елеем. Говорят, неплох! Ладно, свечку Анне Кашинской поставила, остается нанести боевую раскраску; и, конечно, платье. Их у меня два, оба хороши, но...

Звонок в дверь. Уже? Но ведь Игорь должен прийти в восемь! Сейчас только семь! Девятнадцать ноль-ноль!

Да, пора в психушку.

Девятнадцать ноль-ноль, старший сержант Петров точен.

6

Хмурый взгляд, рука под козырек.

– Разрешите!

Голос мне его не понравился. И вид не понравился. И не потому, что хмурый. Сержант словно что-то знал и заранее предвкушал эффект.

– Заходите, Ричард Родионович!

В глазах блеснуло нечто, похожее на злорадство. Или мне уже чудиться начало?

– Извините, госпожа старший следователь, спешу! Вот!

Вот – это знакомый черный диктофон и стопка каких-то листков.

– Честь имею!

Рука вновь взлетела под козырек. Тяжелые сапожища застучали по лестнице.

Ладно! Дело сделано. Завтра утром пошлю по каналу «Проба», это совсем близко, на соседней улице. Разве что стоит прокрутить запись. Вдруг сержант решил концерт группы «Мумификация» записать?

Я в некоторой нерешительности начала учинять досмотр платьям, развешанным на спинках стульев, вздохнула, присела к столу. Слушать все подряд я не собиралась. К чему? Приказа подглядывать в замочную скважину не было, пусть сами разбираются.

Легкое шипение. Щелчок. Негромкий, но четкий голос Игоря. Голос гражданина Молитвина; он, как всегда, чем-то недоволен. Можно жать на stop.

Записалось – и ладно. Интересно, что там на этих листках? Неужели добросовестный жорик набил разговор на компьютере, распечатал? Чушь, не успел бы.

Я вновь поглядела на платья, затем на часы; и уже просто так, для очистки совести, перемотала пленку – где-то на треть. Так сказать, последняя проверка.

Play – и тишина. Нежели они говорили так мало? Ну, слава Богу, проклюнулось!
Проклюнулось?
Что проклюнулось? Может, у них тоже стояк лопнул?
Стояк?

Из крохотного динамика плескало море. Волны бились о каменистый берег, с шумом уползая обратно, захлебывались воплями чайки, потом вдруг из ниоткуда наслоился гул голосов, звон посуды...

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Звон гитарной струны. Течет, плавится...

Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...

Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы!

Тебе бы прокурором быть, Эми...

Крик чаек – долгий, отчаянный... стон над волнами.

И еще почему-то: льдинками катаются под невидимыми пальцами клавиши фортепиано, льдинками катаются слова, произнесенные чуть слышим, незнакомым голосом:

– В жизни-реке разошлись берега;
Телка – полушка, да рубль перевоз!
Но занесет хоть к чертям на рога –
Память жива, и плевать на склероз!

Вальс не окончен, и дело не в нем –
Будут и там наших внуков рожать,
И для кого-то появится дом,
Дом,
Из которого не захотят уезжать...

Я не помнила, как нажала *stop*, как вскочила, бросилась в коридор. Очнулась у двери – ткнулась лбом, не почувствовав боли.

Бежать?

Куда бежать?

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Ее голос.

Ее!

Год назад мы говорили по телефону, я записала разговор, потом прокручивала – целый месяц, пока не стерла. Слишком было тяжело. *Ее* голос – не спутаю.

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Это попытка – вновь включить проклятый диктофон, но я решилась.

Play!

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Да, это *она*. Все-таки достали! Нашли!..

Сквозь черное отчаяние начали пробиваться мысли: странно трезвые, словно за меня думал кто-то другой. *Ее* нашли. Нашли – и даже постарались намекнуть, чтобы я не сомневалась. Запись идет на русском языке. Почему? *Тебе бы прокурором быть, Эми...* Куда уж яснее! Вдобавок дурацкая песня... внуков рожать? Намек?! С *ее* парнем, этим русскоговоря-

щим Полом, случилось что-то плохое. Убит – чуть ли не у *нее* на глазах. И теперь пленку переслали мне...

Что должен предпринять внедренный сотрудник Стрела? Слать сигнал «Этна»? И кому это поможет?

Ей?!

Я встала и, плохо понимая, что делаю, переделалась. Платье взяла то, что висело слева. Какого оно цвета, сообразить не было сил. Теперь губы... глаза... прическа...

Эти ублюдки все-таки дали промашку – одну-единственную, но серьезную. Шантажировать внедренного сотрудника с моей подготовкой опасно. Особенно когда доступен сам. Когда не прячешься за черной телефонной мембраной, за корявыми строчками анонимки. Господа Молитвин и Залесский страшно пожалеют. И их мент поганый тоже пожалеет. Не с той связались, подонки!

Телефон! Если этот мерзавец дома... Или хоть кто-нибудь из их своры!

Гудки.

Спрятались, сволочи!

Взгляд скользнул по распечатке. Я поднесла к глазам первый лист, затем взяла наугад, из середины – и отложила в сторону. То же самое, но подробнее. Так сказать, беллетристика. Наверно, они там не рассчитывали, что я передам жорику диктофон, и думали просто подкинуть мне распечатку в почтовый ящик. Или как-то по-другому – не важно.

Я гляжу на часы – и понимаю: времени уже нет.

Восемь.

Сейчас должен появиться Игорь.

Улыбка!

Черт, разве это улыбка, дура! Вспомни, чему учили! Лойолу вспомни, у него на такой случай дельный совет есть. Закрой глаза! Ты видишь дорогу, пустую дорогу, вдоль нее деревья, листья только начали желтеть...

Улыбка!

Уже лучше.

7

– Д-добрый вечер! К-кажется, не опоздал?

Игорь улыбается. В руках – три чайные розы, за спиной – гитара. На миг сердце сжимается болью – гитара! Сесть на диван, в руке – рюмка с ликером...

– Добрый вечер, Игорь! Какие они красивые!

Розы – в ванную, в таз с водой... Есть. Теперь улыбка!

Улыбка!!!

Вводная: пришел гость. Задание: сыграть роль вежливой хозяйки. Ужин, гитара, легкий разговор. Как поняли, сотрудник Стрела?

Сотрудник Стрела все поняла правильно.

Суббота, двадцать первое февраля

**Допрос с пристрастием спиритус-Залесского * ...только боженька
у них живой * От стрикулиста ко Второму Грехопадению
* На горе, на горочке * По дубу прямой наводкой – пли!**

1

На часах начало второго. Игорь уже в пальто, моя роль подходит к концу.
Сыграла.

Господи, неужели я еще жива?

Получается, жива. Роль отыграна, гость прощается, сейчас останусь одна...

Нет!

Внезапно понимаю – не смогу. Кинусь на стену, рвану предохранитель браунинга, сойду с ума – или брошусь в черноту ночи искать этих мерзавцев...

Улыбаюсь.

В десятитысячный раз за проклятый вечер.

– Игорь! У меня несколько дурацкое предложение. Сегодня весь день торчала на работе, голова – как у Страшилы Премудрого, иголки лезут. К тому же коньяк... Давно не пила, признаться. Давайте прогуляемся – полчаса, не больше! Погода прямо новогодняя!

Он не удивляется. То есть, конечно, удивляется, но виду не подает.

– С удовольствием! Я т-тоже знаете, сегодня слегка переработался. Очки разб-бил...

В очках я его еще не видела. Наверное, минус, но небольшой. Бедняжка сероглазый!

– Очки? Вы, Игорь, что, с кентавром встретились?

– Уг-гадали! И б-был сей китоврас зело страховиден и зраком м-мерзкок...

Пальто, шапка, сапоги. Диктофон – в карман пальто. И еще: выкатку фотографии, ту, что сделала утром.

Пистолет? Нет, не надо.

Понадобится – руками на части разорву.

Мы идем по улице – тихой, совершенно пустой, покрытой свежим чистым снегом. Давно заметила: в этом городе улицы пустеют с темнотой, особенно зимой. Каким-то образом Игорь берет меня под руку, и мне становится легче. Он что-то рассказывает, я отвечаю – не слыша себя. Это нетрудно, этому учат. Кажется, я смеюсь. Какая все-таки у него красивая улыбка!

Теперь налево. Похожая улица, только чуть поуже. Направо, пересекаем проспект. Поздний «Мерседес» освещает нас фарами. Направо... Здесь!

Возле знакомого подъезда – пусто. На белом, искрящемся в свете фонарей, снегу – одинокая цепочка следов. Мужских. Зато чуть дальше, прямо посреди улицы...

Кентавры! Двое, один – гнедой, со знакомой бородищей. И я впервые жалею, что не взяла оружие.

Теперь – стоп. Хлопок по лбу... Нет, это лишнее, достаточно удивленного взгляда на подъезд. Мотивация внезапной остановки – этому тоже учили. Итак: удивление, внезапное озарение (надо же, совсем забыла, нужно передать... или забрать, не важно)...

Игорь слушает весь этот бред, улыбается, кивает.

– К-конечно, Ирина! Если не в-возражаете, я тут п-подожду, к-кентаврами полюбуюсь...

Свинство оставлять приезжего человека на ночной улице наедине с кентами, но брать Игоря с собой невозможно. А если встретят выстрелами в упор?

– Я быстро. Десять минут – не больше!

Ныряю в темноту подъезда... Все! Дурацкую улыбку – прочь! Первого – кто откроет. Если, конечно, это не будет гражданка Бах-Целевская. Сучонку – по шее. А еще лучше – за шею, за яблочко, и пусть зовет своего сладенького Алика!

Знакомая дверь – уже с новым замком и новыми петлями. Зато звонок старый. Теперь встать слева, если что – не попадут.

Шаги!

Я ждала вопроса, дурацкого «Кто там?», но открыли сразу. Точнее, открыл. Гражданин Залесский – в тапочках, в спортивных штанах, старых, вздутых на коленях, в грязной майке.

– Вы?!

Можно не отвечать – вопрос риторический. *Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?* Я улыбаюсь, отступаю на шаг. Способ старый – для дурачков. Писатель-алкаш переступает порог...

Левый тапочек летит в сторону. Гражданин Залесский покорно сгибается в поклоне, шипя от боли. А как не согнуться, когда его кисть – за спиной, вывернута пальцами к затылку, стоит мне двинуть рукой...

– Ни звука! Дернешься – больно будет! Понял? Если понял – кивни!

Он медлит, и я слегка додавливаю. Теперь гражданин Залесский не шипит – стонет. Я же предупреждала!

– Ну что, сладкий мой, понял? Или руку сломать?

Кивок. Вот и хорошо!

– Теперь – вниз! Медленно!

Он подчиняется без звука – то ли перепуган до смерти, то ли о кентах у подъезда вспомнил. Но и я помню о них. Не помогут тебе кенты, писатель!

Руку не отпускаю, хотя бежать ему некуда. Пусть почувствует, ощутит каждую ступеньку. Выход! Уже? Да, уже.

– Стой! Налево, в подвал!

Подвал я заметила еще в первый свой визит. Дверь сорвана в незапамятные времена, ступеньки сбиты. Наверно, здешние пацаны подружек затаскивают – тискаться. Вот и мы этим делом займемся!

Ступеньки кончились. Вокруг темно, и я отпускаю его руку.

Отбрасываю гражданина Залесского к стене.

– Стоять! Дернешься – стреляю. У меня глушитель – не услышат!

Кажется, поверил. Дыхание стало чаще – страшно! А мне какво, ублюдок?

– Ну, добрый вечер, Олег Авраамович!

– Добрый... добрый вечер...

– Отвечать будете тихо и короткими фразами. Ясно?

– Ясно! Но Эра Игнатьевна, почему?!

Очнулся! Рано очнулся, самое интересное впереди!

Я прислушиваюсь – наверху тихо. Из квартиры никто не вышел, кенты колесят на улице. Вот и славно! Спросить о пленке? Нет, ведь есть еще и распечатка, значит, не вслепую работал!

– Вопрос первый. Какое вы имеете отношение к Эмме Александровне Шендер?

Молчит. Затем изумленное:

– К кому?

Ударить? Так, чтобы завыл, скорчился, упал прямо на грязный цемент?

– К Эмме Шендер. Там, где она живет, ее обычно называют Эми. Иногда – Эмма.

Молчит. Может, и вправду не знает? Дал ему гражданин Молитвин (или еще какой-нибудь мерзавец) пленку, дал распечатку. Или не давал, сразу Петрову сунул?

Достаю диктофон. Палец скользит, никак не может найти переключатель.

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...

Выключаю. Молчит.

– Слушаю вас, Олег Авраамович!

– Это не ваше дело! Слышите! Не ваше!

Ого! Откуда только голос прорезался!

– Не шумите, Олег Авраамович! Итак, что вы знаете...

– Это... Это вас не касается!

Бью. В полную силу, до боли в запястьи. Пыльный мешок с отрубями грузно опускается к моим ногам.

– Можете... Можете забить меня до смерти... Не скажу... Это – не ваше дело!

До смерти! С удовольствием! И плевать на Первач-псов вкупе со Святым Георгием!

– Это мое дело, Олег Авраамович! Эмма Шендер – моя дочь. Сейчас она живет в США, побережье Южной Каролины, Стрим-Айленд...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Я сама нашла это место – самое тихое и далекое, какое только могла предложить Восьмая Программа. Уговорить свекровушку было непросто, ох, как непросто! Да и не свекровь она вовсе – Сашина тетка, старая, злая, как ведьма, меня на дух не переносит. Помогла жадность – в глухомани пособия гуце, а дальняя родня в Чикаго обещала присмотреть за девочкой, если старуху кондратий хватит. Но жива ведьма, здорова даже – видать, климат на этом Стрим-Айленде способствует!

– Вы... Вы говорите правду?

В его голосе – удивление, и это решает все. Такое не сыграть. Не знал. Работал втемную.

Точнее, его работали.

– Зачем мне врать, Алик? Эмма живет там уже восемь лет, сейчас ей шестнадцать, у нее есть парень по имени Пол, он тоже из эмигрантов...

– Был.

Его голос дрогнул. Был?

Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!

Не мели ерунды, девка! Твоего Пола сожрала его любимая тварюка!..

– Извините, Эра Игнатьевна, но я вам не верю.

Я оглядываюсь – темно. Ни спичек, ни зажигалки. Черт, дьявол!..

– Поднимемся наверх. Только не вздумайте бежать!

На улицу выходить ни к чему, в подъезде горят лампочки. Темновато, но сойдет.

– Вот фотография! Смотрите!

Я достаю снимок – свежий, только что из принтера – и лишь тогда понимаю, какую делаю глупость. Он никогда не видел Эмму! Я сама – сама, дура! – показываю ему, как она выглядит...

– О Господи! Пашка!

Теперь настает время удивляться мне. Какой еще Пашка? Пол?

– Хорошо. Я вам верю.

Его голос становится тихим и каким-то странным, словно этот мальчишка постарел сразу на много лет.

– Эми звонила мне несколько дней назад, чтобы сообщить о гибели моего отца и... и брата. Паши. Павла Авраамовича Залесского. Они живут... жили на Стрим-Айленде последние годы – переселились из Милуоки по Восьмой Программе.

Не врет? Нет, не врет! Ну и родственничек у бедняги Пола! Но даже если так...

– Пленка. И распечатка. Откуда? Кто вам их передал?

Он качает головой, на губах – грустная усмешка.

– Никто. Все это... получено в пределах моей квартиры. Можете считать это научным опытом. Или спиритическим сеансом – как вам больше по душе.

Научным опытом? Неужели эти штукарки способны?! Но ведь сюда не зря прислали Игоря! Игорь! Его можно спросить! Или нельзя?

Во всяком случае, не сейчас.

– Вы, Эра Игнатьевна, прочитайте распечатку. Там понятнее, чем на пленке.

Теперь он говорит еле слышно, и я начинаю догадываться, что парню тоже нелегко. Тоже?! Отец погиб, брат погиб... В голове эхом сумасшествия отдается: *...будут и там наших внуков рожать – и для кого-то появится дом... дом, из которого...*

– Олег Авраамович! Я вас ударила. Извините! И вообще, извините!

Он качает головой – на сей раз утвердительно.

– Да, конечно. Вы, наверное, решили, что наша банда собралась шантажировать работника прокуратуры? Это я, дурак, виноват: хотел вас, так сказать, озадачить. Знаете, что? Лучше вы меня извините. А сейчас... Можно, я пойду домой? Холодно!

Еще бы! Февраль, мороз, а он в спортивных штанах и майке. И в одном тапочке.

Правом.

Взгляд исподтишка...

Никогда бы не смогла нарисовать его лицо. Не личность – словесный портрет, забывающий бриться: нос прямой, чуть с горбинкой, брови тонкие, щеки слегка впалые – и вечно в щетине (фи!). Особая примета – без всяких особых примет. Тридцатилетний недоросль, любящий пялиться на женские ноги. И чего в нем нашла гражданка Бах-Целевская, не пойму?

А еще у него странный голос – какой-то водянистый, бессильный.

Или это я все от злости?

Таков ли он на самом деле, господин литератор?..

– Конечно, Олег Авраамович! Только... Если некоторые люди узнают о моей дочери... Об Эми... Плохо будет не одной мне, плохо будет ей. Ей шестнадцать лет, отца убили, когда девочке и шести не было...

– Не надо! – Алик морщится, гладит рукой бок. – За кого вы меня принимаете? За сентиментального агента 007?.. Ну и бьете же вы, Эра Гигантовна! Вас бы с Фимкой познакомить...

Пожалуй, надо улыбнуться, но я не могу.

Нет сил.

* * *

Мне казалось, прошла целая вечность, но взгляд на циферблат убедил в ином. Одиннадцать минут, на минуту больше, чем обещала. Игорь! Кенты! Как он там?!

Кентавры никуда не делись. Теперь их не двое – пятеро, и вся пятерка сгрудилась у подъезда. Маг по имени Истр стоит прямо перед ними – ровно, широко расправив плечи. Ни он, ни

кенты не двигаются, но мне почему-то чудится, будто сероглазый фольклорист не просто стоит на заснеженном асфальте. На миг вспыхивает: между ними стена – радужная, полупрозрачная, мерцает синеватыми огоньками.

Я помотала головой. Померещилось! Просто стоят.

Наверное, Игорю интересно с непривычки.

– От-тдали д-дискету?

Он улыбается, а я никак не могу сообразить, что за дискета, пока не догадываюсь: никакой дискеты нет, зато есть мотивация внезапной остановки.

Завралась, дура!

– Отдала. Сажали пить чай, но я героически отбивалась. Очень скучали?

Улыбка. Какая у него улыбка!

– Без вас – очень! А вообще-то интересно, любовался к-китоврасами...

Он вновь берет меня под руку; на миг я вся обмякаю, прижимаюсь к его крепкому плечу. Но сразу прихожу в себя. Нельзя – ничего нельзя. Нельзя заплакать, завывать, нельзя даже показать ему фотографию. У меня гость. Мы с ним гуляем, потом прощаемся, я пожелаю сероглазому Магу спокойной ночи.

Выдержу?

Не сдохну?

Кто знает?

2

Срочное. Вне очереди!

Прошу сообщить, какие объекты на территории города и области связаны с фамилией Голицын или сходными с нею.

Стрела. Экстренный № 258.

Я нажала *enter* и полюбовалась делом рук своих. Хорошо, если сегодня дежурит Пятый! Экстренный в полседьмого утра – удачная закуска к кофе. Забегает, извилиной своей фуражечной зашевелит, Голицыных взыскаю. Это ему за «Воздух»!

Итак, запрос уже в паутине, чайник закипел, значит, можно брести на кухню и мыть посуду. Вчера на это сил не хватило. Удалось лишь снять – бросить на пол – пальто и добраться до комнаты, после чего я (как была, в платье) рухнула на кровать.

Мертвая.

Ожила я полчаса назад, с удивлением обнаружив, что каким-то чудом умудрилась отдохнуть. Во всяком случае, в голове обнаруживались разумные мысли, а не только шум прибора и крики чаек. Тогда и села за компьютер, решив совместить приятное с полезным – и начальство потревожить, и дело Капустняка вперед двинуть. Хотя с уверенностью утверждать, что доктора наук Крайцмана похитили железнодорожники, еще рано.

Пока рано.

Кофе обжигал, и я с сожалением – в очередной раз – подумала, что Господь ведает, как наказать грешную рабу Свою. Хоть в крупном, хоть по мелочам. Вчерашний вечер, например. Изображать любезную хозяйку было настоящей пыткой. Интересно, заметил ли Игорь? Кажется, я слишком много смеялась. И слишком часто – как дурочка-лимитчица, первый раз попавшая в ресторан. Обидно, я ничего не помню из того, что он пел. Даже странно, разговор помню (учили запоминать, учили!), а вот песни – нет. Обидно! Не до песен было. Приходилось думать над каждым словом, каждым жестом, иначе бы не выдержала – сорвалась, завывала, а то и вовсе кинулась бы к нему, глупая старая баба, наговорила бы с три короба...

Ладно! Этот вечерок я еще припомню господину Залесскому! Пошаманить решил, духов из бездны повызывать! Проклятый городишко, скорей бы отсюда!..

На распечатку даже смотреть не стала. Потом! Эмма жива, здорова, остальное – потом. Лучше всего выволочь сюда самого господина бумагомарателя, сунуть ему под нос листочки – и пусть все объяснит. Сам! И про научный опыт, и про все хорошее.

Оставалась пленка – проклятая пленка, которую без промедлений нужно переправить в неведомую даль. Еще ночью, перед тем, как рухнуть на кровать, я решила стереть все, начиная с крика чаек. Моим шефам требуется разговор, а не голоса духов. Но сейчас, покрутив в руках диктофон, так и не решилась. Стереть – значит соврать, а за подобные вещи полагается визит чистильщика. Никакие псы Егория не защитят: шлепнет чистильщик рабу Божью Стрелу – и мигом на вертолет, подальше.

Рутина, стандартная процедура.

Ладно, отправлю, как есть. Пусть Пятый сам разбирается!

Голова слегка гудела, и я не стала пить вторую чашку кофе. Уцелевшую булочку спалила пред ликом Анны Кашинской, которая в это утро выглядела особенно кисло. Точь-в-точь мое отображение в зеркале.

3

...Вы, гражданин начальник, меня на пушку не берите! Видели меня там, не видели, а все одно – мокриху не пришьете! Я на мокрое в жизнь не пойду. Западло это! Мы тут, в городе, даже стволы не носим, разве не знаете, начальник? А почему не носим? А потому как работа наша горячая, не сдержись – и вот уже Первач-суки за загривком...

Магнитофон крутился, дуб дымил сигаретой (первый раз его с сигаретой увидела!), а на столе остывал чай. Не вечно же коньяк с ликером на работе хлестать!

Пленку добыл лично господин Изюмский, за что я сразу воздала ему хвалу. Мысленно, понятно, чтоб не зазнавался. А приплыла пленочка прямиком из городской уголовки, где не первый месяц благополучно висят два мокрых дела. Очень похожие на наши: продырявленный пулями труп – и никаких Первач-сук. Месяц назад кто-то из стукачов вывел оперативников на одного из железнодорожников. Того видели в ночь убийства совсем рядом с местом происшествия. Крутые парни из угро как следует трянули субчика – и вот результат. Запел.

...Так что не гоните чернуху, начальник! Не там роете! Вы среди ганфайтеров пошустрите! Слыхали? Хлопцы Капустняка... Бывшие, понятно, Капустняк-то – аминь, вечная память! Вот его хлопцы как раз со стволами ходили. Почему? А потому, что им боженька разрешил, ясно?..

Я нажала на *stop*, чтобы записать самое важное в протокол. И так, хлопцы Капустняка. Видимо, личная охрана или спецгруппа, вроде внутренней полиции. У братвы такое встречается.

– Вот, блин, словечко выдумали! – недовольно скривился дуб. – Ганфайтеры, мать их!

– Язык оторву! – вздохнула я. – Не им – вам, господин Изюмский. За мать, чтоб неповадно было.

– Да ну, блин!.. – смутился племянничек, но я была неумолима.

– И без блин! А ганфайтер – это по-английски. Точнее, по-американски, так на Диком Западе стрелков называли. Вестерны смотрели?

По виду дуба стало ясно, что слово вестерн тоже нуждается в переводе.

– Ладно, слушаем...

...Только боженька у них живой. Понятливый бог. Он им и разрешает. Как чего? Мокриху, бля, разрешает, со стволами ходить разрешает. А вот как, это уж вы сами, гражданин начальник, выясняйте. Может, жертвы особые, а, может, просто боженька в законе. Да не

знаю, какие жертвы! Не знаю! Кровь, говорят, нужна. Кровью этой их бог Первач-псам глаза вроде как замазывает. А не знаю, кто; говорят, и все. И чья кровь, не знаю! Все, гражданин начальник, чего ведал, все как на духу! А мочить – запахло, так что не я это, и кошка не моя!.. и вообще: по сторонам хранители мои, избавители от всяких властей и их мудростей, от всяких чинов и их подчинов, от всех мундиров и их командиров...

– Дальше неинтересно, Эра Игнатьевна, – не став слушать заговор на ментовские козни, известный всякому блатному, дуб выключил магнитофон. Отхлебнул чай, вновь скривился. – И как вы такое пьете, блин!..

– Зажигалку! – потребовала я и, получив требуемое, шелкнула кремнем. – А теперь – язык. Вытягивайте, вытягивайте!

Господин Изюмский покосился на лиловый огонек и на всякий случай отодвинулся подальше. Я встала, взяла охломона за ухо:

– Еще раз услышу – точно язык спалю. Или отрежу – по вашему выбору. Если не воспринимаете меня как женщину, воспринимайте как старшего по должности.

Ухо дрогнуло, и я еле удержалась от продолжения экзекуции.

– Уже и сказать нельзя! – пробурчал Изюмский. – Женщину... А вы меня, б... То есть, вы меня разве, как мужчину, воспринимаете?

От такой наглости я настолько оторопела, что даже не стала отвечать. Мужчина Изюмский!

Я пододвинула к себе магнитофон, но дуб покачал головой:

– Говорю ведь, нет там больше ни... ничего! Там дальше про собак каких-то. Не Святого Георгия, обычных...

Собак! Кровь, говорят, нужна. Кровью этой их бог Первач-псам глаза вроде как замазывает... И чья кровь, не знаю!

Не знает?!

...Ну, подтверждаю. Так точно, двенадцать собак. И двор мой, и клетки мои, и собаки. Да только вы мне, гражданин начальник, ничего не пришлете! Собаки бродячие, так что отловил я их даже с пользой. А то бегают, народ зазря кусают! А на кой они мне, это, извините, мой личный интерес! Одну продам, другую подарю...

То-то в городе собаку не встретишь! Один дюжину поймал, другой – две. Собаки... А люди? Бомжи с вокзала?

– Володя, где сейчас этот тип?

– Этот? – дуб потер ухо, обиженно вздохнул. – Как по делу, так сразу Володя! Помер он. В камере на помочах повесился. Я так, Эра Игнатьевна, смекаю: ребята из угро его прижали, вот он и решил на Капустняка свалить. Капустняка ведь мертвым считали! А не вышло!

Не вышло. Услышали – и помогли приспособить помочи. То ли сам Панченко, то ли кто-то из его ганфайтеров.

– Я, Эра Игнатьевна, эту, ну, версию придумал.

Я чуть было не переспросила по поводу глагола, но сдержалась. А вдруг и вправду придумал? Великое чудо Маниту – мыслящее дерево.

Quercus sapiens.

– Панченко, который Капустняк, он все эти годы не светился особо. Мы-то знали, но доказать ни черта не могли. А месяцев восемь назад... вот...

Дуб порылся в папке и вынул ксерокопию статьи. Бог мой, на английском!

– Его это... ФБР засекло. Один пи... то есть тип согласился дать показания. Короче, в Штаты ему путь заказали, и в Израиль тоже, и во Францию. А потом и у нас на него материал появился. Говорят, тамбовцы подкинули...

– ... И Панченко решил инсценировать собственную гибель, – кивнула я. – Логично, если бы не два «но». Его смерть подтвердил Интерпол, а с этой конторой даже железнодорожникам не сладить. И второе: почему он здесь, а не где-нибудь в Белизе?

Дуб задумался – крепко, до скрипа извилины.

– А дела у него тут! Деньги, гад, припрятал, или чего еще. А Трищенко, бармен который, болтать стал или пуганулся, к нам решил прийти. Вот Капустняк Очковую и натравил!

Версия вполне годилась. В нее вписывались даже сгинувшие собаки и таинственный боженька. Кто знает, чего могли эти штукарки выдумать?

– Гражданин Крайцман – биохимик, – проговорила я вслух. – Биохимик, собачки, кровь, новая работа...

Дуб удивленно моргнул. Пришлось пояснять с самого начала; естественно, без упоминаний остальных участников молитвинской эпопеи. Господин Изюмский долго чесал затылок, затем вновь скрипнул извилиной:

– Вот, блин!.. То есть, надо же! Крайцман! Так ведь я ейной... в смысле, евойной мамаше зачет сдавал! Она на этой, как его, кафедре! Начальник!

– Какой зачет? – поразила я, почему-то сразу подумав о военной подготовке. Побата-льонно! В колонну по три!.. Противогазы надеть!

– По скобарю зачет! – дуб вздохнул. – В академии. Ну, крута! Заочников только что не убивает! С пятого раза сдал, потом две недели хромать пришлось.

Вспомнился лязгающий, словно танковые гусеницы, голос в телефонной трубке; и я невольно пожалела племянничка. Само собой представилось: стальная рука берет Вована за шкурку, кидает на татами (или на что там сейчас кидают?), стальная нога бьет в промежность...

– Значит, теперь закрепляете навыки на подследственных?

Дуб вновь вздохнул и зачем-то оглянулся – не иначе грозный призрак мадам Крайцман встал за спиной.

– И сынка ейного... евойного видел. С виду пудрыч носатый, я его в шутку позвал побуцкаться – а у него черный пояс оказался... если б еще понять, на чем он меня прихватил!..

Ай да семейка! Видать, архарам тараканьего полковника пришлось туго!

– Так, выходит, Эра Игнатьевна, у них где-то кубло есть? Не в городе? Эх, знать бы, где искать, враз бы накрыли!

Я-то знала. Объект «Психи Голицыны». Эй, психи, ау!

4

А еще есть такая беда – совещание называется. И наш Никанор Семенович – великий дока по части убивания времени, толчения воды в ступе и всего, этому социально близкого. Вот и сегодня... Суббота же, блин, как выразился бы господин Изюмский. И действительно – блин! Два часа отсидели, глазами прохлопали – и что узнали? Что двух кентов мертвых нашли? Так это я с самого утра слыхала. Упились самогонкой с дихлофосом – и коньки отбросили, а нам отдуваться, потому как меж кентавров по просторам Дальней Срани слушок прошел, будто товарищей их жорики забили до смерти, а экспертиза липу подмахнула. Похоже, Никанору Семеновичу крупно за этих кентов в мэрии влетело, вот он за нас и взялся. И что теперь делать? Беседы проводить о культурном потреблении дихлофоса?

Впрочем, кенты были, так сказать, на первое. А вот на второе нам подали такое, что я мигом забыла и о дихлофосе, и о привычных наших дрязгах. Никанор Семенович вызвал дядьку в зеленом ватнике – дежурного Тех-ника, – тот поколдовал около дверей и возле окна, щедро посыпая паркет мукой, после чего включил мигающий разноцветными лампочками ящичек. Система была знакомая: последняя новинка против подслушивания. Никанор Семенович подождал, пока за Тех-ником закроется дверь, а затем вздохнул и достал из красной

папки несколько листов бумаги с привычным грифом «Совершенно секретно. Экземпляр № ...»

Документ прислали прямым из генеральной прокуратуры. Такие мы уже получали, и речь там, как правило, шла о старых знакомцах-железнодорожниках, совершивших очередной подвиг. Но на этот раз речь зашла не о пропавшей нефти, не о сгинувшей неведомым образом электроэнергии и даже не об украденном ноу-хау.

Вначале я ушам своим не поверила, настолько все услышанное походило на дурной боевик. Три дня назад некто, говоривший с узнаваемым славянским акцентом, позвонил прямым в Пентагон, предложив за сходную цену приобрести несколько файлов, извлеченных непосредственно из главного компьютера командования ракетных войск стратегического назначения.

Не американских РВСН – наших.

Такого еще не было. Железнодорожники и прочая братва, как черт ладана, избегали политики. Но сразу вспомнился рассказ излишне откровенного парня, поспешившего поверить в смерть Панченко-Капустняка. Если боженька в законе, то почему бы не расколоть компьютер РВСН?

Но неведомый шутикар, к скорби его великой, просчитался. В Пентагоне не обрадовались – там пришли в ужас. Если уж начали пробивать *такую* защиту!..

Через час об этом знали у нас в столице. Министр обороны бегом побежал к Президенту. Пресса еще не успела пронюхать, но в любой момент история может всплыть, и тогда!..

Что будет тогда, Никанор Семенович не стал уточнять. Хватило и того, что пухлые щеки сменили цвет, превратившись из розовых в салатные.

Стало ясно – будет лажа. Этого городу не простят. Даже если компьютер хакнули не железнодорожники, а какие-то другие умельцы. Слишком велика наша слава. Велика – и вполне однозначна.

В кабинет я вернулась злая, мечтая лишь об одном – убежать, да побыстрее. Но не тут-то было. Прямо в моем кресле обнаружился некий чернявый субъект в куцей курточке и совершенно наглого вида. Мерзкий такой субъект. Стрикулист.

– Эра Игнатьевна? – на прыщавом лице блуждала улыбочка, левый глаз странно дергался – словно вот-вот собирался подмигнуть. – Заждался я вас, заждался...

Первая мысль, вслух не высказанная, была проста: «Пшел вон!» Вторая, тоже про себя: в мой кабинет просто так не пускают. Значит?

– Удостоверение предъявите! – как можно спокойнее предложила я, уже догадываясь, что увижу.

Этого делать стриклисту явно не хотелось. Он помялся, подвигал ножкой:

– Ну зачем так сразу – удостоверение! Я же, можно сказать, неофициально. Просто так зашел.

Я ждала – молча, не говоря ни слова. Стрикулист вздохнул, полез куда-то во внутренний карман.

Бордовая книжечка, щит с перуном. Так и знала! Фамилию прочитать не дали – развернули только на миг.

– Я, знаете, на минутку. Сказать. Точнее, посоветовать. Закрывайте вы это дело, Эра Игнатьевна! И убийца у вас есть, и оружие. Чего еще вам нужно?

Это дело. Даже переспрашивать не надо – и так ясно.

– А мы вас не забудем! Организация у нас уважаемая, солидная, наша помощь всегда пригодится.

Если б не его наглая улыбочка, я, скорее всего, вступила бы в переговоры. Всегда полезно узнать что-то новое. Но уж больно нагл, стрикулист! Привык корочками козырять, сволочь! Как их Саша ненавидел!

– Закрывать дело не считаю возможным. Все?

Усмешка стала шире, желтые зубы – клыки! – оскалились:

– Не считаете, значит?

Отвечать я не стала. Уверена, со слухом у него все в порядке.

– Видите ли, Эра Игнатъевна, я привык добиваться своего. А методы бывают различные!

Улыбка растянулась до ушей, затем исчезла:

– Мы ведь о вас все знаем! Бытовое пьянство, сувенирчики от подследственных... Я ведь вас, Эра Игнатъевна, можно сказать, пожалел. Сунул бы сейчас вам в стол конверт с долларами – и все. Времена нынче сложные, сами знаете. В колониях таких, как вы, не любят! Хорошо, если одних вертухаев обслуживать придется!..

Говорят, самый страшный гнев – гнев бессилия. Саша, когда говорил о таких, бледнел, терял голос...

– Убирайтесь!

Прыщавая рожа скривилась. Стрикулист вздохнул:

– Скоро сами все поймете, Эра Игнатъевна, да только поздно будет. Я ведь с вами неофициально, по душам, так сказать...

– Неофициально? Просто взяли и зашли?

Мысль мне понравилась. Старший следователь прокуратуры входит в свой кабинет и обнаруживает...

От первого удара он присел. Вторым бросил его на пол.

– Сука! Пожалеешь!

Я достала из его кармана удостоверение со щитом и перуном, открыла форточку – и бордовые корочки сизым голубем упорхнули напрямиком с четвертого этажа.

– А это тебе за суку! Ползи, пока кенты не подобрали!

Выйти из кабинета стрикулисту оказалось затруднительно, но я помогла.

В три пинка.

5

Руки дрожали – даже дома, даже после рюмки коньяка. Ненавижу! Эти – хуже всех, хуже жориков, хуже прокуратуры, будь она трижды!.. Наглые, уверенные в себе, в своей скотской безнаказанности. Сашу забирали трижды, целый год держали в психушке. Страны рушатся, Армагеддон в разгаре – а этим хоть бы хны! Случись Потоп, к Ною, когда он пристанет к горам Араратским, тут же подойдет такой, с корочками, и начнет душевный разговор.

Хорошо, что я работаю не на них. По крайней мере, это знаю точно. А в целом – плохо. Плохо, сотрудник Стрела! Сорвалась, причем не в первый раз. Но сегодня – случай особый. С этими срываться нельзя – вцепятся, не отцепить! Прав Девятый, пора лечиться!

Да, плохо. Считаю, испортила себе субботний вечер. Неделю назад тоже работала допоздна, пришлось заниматься алкашом-Молитвиным, свидетелей опрашивать; и вот снова субботний вечер, настроение – самое паскудное...

Я включила компьютер, но почты не было. С Голицыными явно вышла неувязка. Я представила себе, как Пятый рычит на перепуганных клерков, как лично берет энциклопедию на букву Г, и почувствовала себя немного легче. Совсем немного.

Впрочем, рецепт хорошего настроения я знала: горячая ванна, две рюмки коньяка – и пластом на кровать. Закрывать глаза, руки вдоль тела. Полчаса – и все пройдет. То есть проходит.

Иногда.

Я расстегнула мундир, вспомнила об обязательной свечке Николе Мокрому (дабы вода была теплее), с тоской поглядела на уже привычные разводы на потолке...

Звонок – громкий, протяжный.

В дверь.

6

Первая мысль, естественно, самая скверная. Стрикулист и его начальники оказались чересчур обидчивыми, доллары уже лежат в почтовом ящике, Никанор Семенович подмахнул ордер...

Стоп!

Я застегнула мундир. Прошла в комнату, открыла ящик стола, где притаился браунинг. Взять? Нет, сначала спросим.

К двери пришлось подходить так же, как днем раньше к жилищу алкаша Залесского – по стеночке. Вдруг эти идиоты решили разыграть сопротивление при аресте? Кто знает, может, у них свой божевка имеется – который Первач-псов отводит?

– Кто?

Если телеграмма или газовый надзор – тогда по схеме. Тоже стандартная процедура, но на свой лад. Пятерых положу – не меньше.

– Это я, Ирина! В-волков. Если вы заняты...

О Господи!

Почему-то в первый миг я испугалась. Даже больше, чем если бы стали ломиться в дверь. Но затем испуг сгинул, и я поняла: никаких лекарств от плохого настроения уже не требуется. Игорь! Как хорошо!

– Я не занята! Сейчас!

В руке Маг по имени Истр держал букет лиловых хризантем, в другой – большой пакет, за спиной – гитара в знакомом зеленом чехле.

– В-вам!

Не выдержала – ткнулась лицом в цветы. Боже мой, как хорошо!

– Спасибо, Игорь! Но так нельзя, вы меня совсем избаловали... Проходите, проходите!

И только тогда, когда он переступил порог, я сообразила. То есть я ничего не сообразила, просто поймала его взгляд.

Форма!

Ты же в форме, дура! В синей прокурорской форме, с погонами, с Фемидой в петлицах. Еще бы браунинг взяла! В зубы.

Прокол. Провал. Все!

– Вас форма удивляет?

Удивляет? Сэр, а не странно ли вам, что этот джентльмен зачем-то встал на табурет и намывает петлю? Ничуть, сэр, я тоже чистоplotен!

– П-почему удивляет? – Игорь вновь улыбается, и у меня отпускает сердце. – Где вы работаете, я, т-так сказать, в курсе... а форма вам, между прочим, очень идет. Как сказал бы один отрицательный исторический п-персонаж, чегтовски! Или даже архичегтовски!

Заступница-Троеручица, ну конечно! Не полные же идиоты те, кто его готовил! Пятый, конечно, идиот, но есть еще Девятый...

– Я вам, Ирина, с-слегка завидую. Быть п-прокурором в этакой фольклорно-мифологической реальности! За г-год, уверен, можно набрать материала на д-докторскую, минимум.

Остается согласиться, улыбнуться и направиться за вазой. Хризантемы, Господи! Никогда в жизни мне не дарили хризантем!

Между тем Игорь нерешительно топчется в передней, явно не зная, куда девать пакет. Наконец осторожно ставит его в угол.

– Пицца, – сообщает он, уловив мой удивленный взгляд. – Вчера вы угощали м-меня анчоусной, а я купил с осетриной. Н-надеюсь, не помялась. Хризантемы это, так сказать, обряд, а вот п-пицца – основа делового ужина, поскольку я потревожил вас исключительно по делу.

Спорить не стала. По делу, так по делу. С осетриной, так с осетриной.

Впрочем, о деле за ужином Игорь не сказал ни слова, и я мысленно поблагодарила его за подобную чуткость. Мой кивок в сторону коньячной бутылки был проигнорирован, и я (опять мысленно!) устыдилась. Того и гляди, решит, что я пытаюсь его споить!

Наконец на столе появился кофе (спасибо Сурожанину, и на этот раз не оплошал!), Маг откинулся на спинку кресла, осторожно отхлебнул черный дымящийся напиток.

– От-тменно! – констатировал он, и я возгордилась. – Кофе у вас, Ирина, б-божественный, и это не просто похвала, а тонкий намек на то, о чем я хотел с в-вами поговорить.

– О Боге? – удивилась я.

Почему-то вспомнилось: *...боженька у них живой. Понятливый бог...*

– Скорее, о богах.

В его руках появились четки – темные круглые бусины на прочном шнуре. Пальцы привычно заработали: бусинка, еще бусинка, еще...

– Знаете, п-побродил по городу и немного очумел. Ну, к-колоды с иконками, инструкции, так сказать, к к-камланию, наклейки качества – эт-то я и раньше видел, у нас их уже целая коллекция. Но вот к-канализационные, извиняюсь, люки...

– Как? – поразила я.

– Обычные, чугунные. Т-то есть это у вокзала они обычные, и на окраинах. А в центре что н-ни люк, то со значком. И н-непростым значком! Прямо, к-карты Таро! То есть, конечно, это не Т-таро, знаки другие, но хотел бы я взглянуть на п-план города и прикинуть к-комбинации!

У Мага оказался острый глаз. Столько лет ходила по этим люкам! А хорошо бы с планом города поработать, жаль, времени мало!

– А церкви сосчитали? – улыбнулась я. – Говорят, их у нас больше, чем в Риме.

Игорь кивнул – серьезно, без улыбки.

– М-много... Знаете, в XII веке халиф М-мансур как-то обмолвился, что обилие мечетей – это свидетельство б-близости Судного Дня. Так вот, об этом самом Судном Д-дне. Вчера вы д-дали мне журнал. П-признаться, не спал полночи, штудировал. В немецком не силен, пришлось звать д-демона, то есть искать словарь в Интернете...

В этот миг я ощутила себя господином Изюмским – мои извилины дружно издали жалобный скрип. Журнал? Словарь? Но тут, видать, сам пророк Наум снизошел и наставил – на ум. «Шпигель»! Я подарила ему «Шпигель» с письмом гражданина Егорова!

– В-вы сами читали, Ирина?

– Что? – очнулась я. – Увы, не успела. У меня тоже с немецким слабовато.

– Т-там, как мне кажется, не очень удачный перевод, н-некоторые мысли, так сказать, смазаны, но главное понять можно. Знаете, б-батюшка оказался гораздо умнее, чем думалось. Вы действительно не читали?

Внезапно я уловила его взгляд – и замерла.

Серые глаза смотрели без тени улыбки, холодно, сурово.

– Нет! – я даже подалась вперед, словно чем-то провинилась перед сероглазым Магом. – Но если надо...

Он улыбнулся, ямочка на подбородке стала глубже, и я облегченно вздохнула. Почудилось!

– К-конечно! Я т-только сниму ксерокс, еще не успел. Да, батюшка умен, и весьма. Его эсхатология, можно сказать, железная.

– Про Армагеддон? – осмелилась поинтересоваться я.

– У батюшки свой в-взгляд на Армагеддон. И очень любопытный. П-причем он пришел к нему исключительно на, так сказать, церковном м-материале, что вообще уникально. Ну, в-вы потом почитаете.

– Расскажите, Игорь! – взмолилась я. – Все-таки вы – специалист!

Ап! Язычок прикушен. Еще не хватало добавить: «А я – просто внедренный сотрудник».

Бусинки на четках забегали быстрее. Улыбка исчезла, тонкие губы на миг сжались.

– Если в самом к-кратком виде, то получается так. Мир Б-божий был сотворен единым и имел б-больше реальностей, чем н-наш. Но грехопадение разбило его на части: н-небо, то есть обитель светлых духов, землю – так сказать, н-нашу юдоль; естественно, ад и еще многое – п-помельче. Например, сфера м-малых народцев, если пользоваться термином моего любимого Саймака. П-причем дробление шло постепенно, достигнув к-кульминации где-то два-три века назад. Пока улавливаете?

Я кивнула – и не только из вежливости. Об этом мне уже рассказывали. Очень давно, когда у меня еще не хватало мозгов, чтобы понять такое. Саша, Саша, почему тебе досталась такая дура! Мне бы слушать, слова не пропуская!

– Итак, иные реальности отпали, и человека, так сказать, Ад-дама, заперли в земной юдоли. Но, как известно, Господь обещал вернуться. И не п-просто, а во славе Своей. П-понимаете намек?

Понимаю ли я? Наверное, понимаю. Все-таки я не только баба в мундире, но и его коллега.

– Отец Александр хочет сказать, что Второе Пришествие – это воссоединение всех реальностей?

– Именно! – Игорь быстро кивнул. – Причем, к-как и обещано, все сие будет происходить незаметно, яко тать в нощи. И небезболезненно. Отсюда – Армагеддон, бледные к-кони, стрелы с реактивными двигателями. Однако же, все сие д-должно благополучно завершиться к славе Господней; если мы, Ад-дамы, в очередной раз не нашкодим.

Четки исчезли, в руках Мага появился знакомый журнал. Зашелестели страницы.

– В-вот! Это, пожалуй, самое интересное. Второе Грехопадение, как угроза П-прекрасному Новому миру.

– Грехопадение? – поразила я. – Это когда Адам, Ева...

– ...И д-древо. Совершенно верно. Отец Александр исходит из того, что Грехопадение состояло в отказе смиренно п-принимать дары Божьи и переходе к их, так сказать, интенсивной эксплуатации. И вот сейчас м-мир творится заново, и вновь Адам на перепутье. Тут батюшка уже явно п-прощается с каноническим православием. Он считает, что все здешние к-камлания: иконки, булочки, отрывные молитвы – это, так сказать, к вящей славе Б-божьей. В Новом мире – н-новые обряды. А вот нечто иное – это опасно.

Игорь замолчал, словно давая мне время осмыслить. Иное? Уж не кровь ли это во славу самозванного боженьки? Не право на убийство для ганфайтеров?

– В этом случае, Новый мир, не успев сформироваться, н-начнет распадаться, Апокалиптический взрыв, революция вместо эволюции. И будто он уже наблюдал некоторые, как считает, опасные п-проявления.

Не только он. Я тоже кое-что успела заметить. И даже черточки нарисовать. Что-то неладно в Прекрасном Новом!..

– Вот т-такая теория! Н-не очень оригинально, зато вполне в христианском д-духе. Впрочем, о таком толковали не одни п-последователи Плотника.

Я задумалась. Да, не ново. Все это я слышала, и довольно давно. Только Саша говорил не про железных коней, и не про звезду Полюнь...

– И еще г-господин Егоров зацепил краешком одну очень интересную идейку. К-краешком – только намекнул... Он считает, что загадочное излучение, к-которое десять лет ищет Семенов-Зусер и найти не может, действительно существует. Т-точнее, это не совсем излучение. Речь, п-по мнению отца Александра, идет, как он выразился, о черной н-ноосфере. П-попросту говоря – некросфере.

Попросту! Я только вздохнула. Игорь улыбнулся:

– Честно г-говоря, на первый взгляд – д-дикость. Энергия мертвых, погибших при к-катастрофе (а также мертвых из в-времен более отдаленных, в-в связи с дырами некросферы из-за Большой Иг-грушечной), подпитывает город...

Улыбка исчезла, серые близорукие глаза сверкнули:

– А в-вообще, смело! Все эти б-булочки и бублички идут не святым и уг-годникам, а прямиком в некросферу, притягивая так сказать, н-некробиотику...

Я вздрогнула, наконец-то сообразив, что стоит за незнакомыми словами. Энергия мертвых! Погибших, но не успокоенных. Какой ужас! Неужели и это – правда?

Игорь помолчал, задумался...

– К-как вы думаете, Ирина, если Патриарх потребует, ваш б-батюшка замолчит?

Замолчит? Вспомнились глаза отца Александра – глаза идущего на эшафот.

– И не подумает! На том стою, и стоять буду, и да поможет мне в этом Господь Бог!

– Ам-минь! Но господину Лютеру повезло – друзья его чуть ли не с к-костра стащили. А отцу Александру предстоит наша д-доморощенная инквизиция.

На миг я вновь ощутила на плечах тяжесть черной мантии. Мадам инквизиторша поспешила оформить дело. По всем правилам.

– Думаю, им ничего особо не грозит, – неуверенно начала я. – Собственно, там осталась одна статья, не слишком серьезная. В худшем случае – года три условно. Кроме того, я вообще сомневаюсь, что процесс состоится. Слишком большой шум поднялся. Вчера адвокаты подали прошение об изменении меры пресечения...

Все это правда. Наша мэрия, кажется, сообразила, что заигралась, плодя диссидентов. Но кто их знает? Дураков много.

Игорь вновь внимательно взглянул на меня, словно не веря, но сразу улыбнулся:

– В-все! Чувствую, Ирина, я вас окончательно утомил. П-просто хотелось, так сказать, поделиться. Ухожу!

– Погодите! – растерялась я. – А... А гитара?

7

На этот раз я слушала – песню за песней. И это было хорошо. Очень хорошо.

Саша петь не умел, он так и не смог научиться как следует играть на гитаре. Зато наш старенький шарп крутился каждый вечер. Странное дело: почти все, что пел Игорь, я уже когда-то слышала. Визбор, Ким, Городницкий, Окуджава. Даже Высоцкий, ставший сейчас пугалом для бедолаг-школьников. Странно, Маг, считай, моих лет, а Саша был старше – на целую жизнь. Может, сероглазому тоже встретился кто-то? Чудом уцелевший человек XX века, для которого имена старых бардов – не пустой звук?

Каким-то образом оказалось, что мы сидим бок-о-бок. Бутылка «Камю» осталась скучать в баре – сегодня ни к чему было вздергивать нервы. Игорь пел. Я слушала. Его плечо было рядом.

Наконец я осмелела достаточно, чтобы попросить Мага спеть одну старую песню. Настолько древнюю, что ее уже никто из моих гитарных знакомых не мог вспомнить. Сашину любимую. После его смерти я лишь однажды рискнула поставить кассету – и тут же испугалась, выключила. Потом кассета исчезла – навсегда, а я забыла название, забыла автора.

Маг действительно оказался Магом. Песню он помнил, помнил и барда. Не Высоцкий, не Галич – некий Сергеев. Впрочем, пусть Сергеев, пусть Иванов, лишь бы песня оставалась прежней. Про поле, про пулемет на колокольне, и про взвод, прижатый прицельным огнем к горячей земле.

Негромко заговорила струна, вслед за ней другая, медленно, осторожно, словно солдат под пулеметным огнем.

На горе, на горочке, стоит колоколенка,
А с нее по полюшку лупит пулемет,
И лежит на полюшке, сапогами к солнышку...

Тот, чей голос был на пленке (уж не сам ли Сергеев?) пел совсем по-другому, но у Игоря выходило не хуже. Я закрыла глаза. Взвод лежит, прижимаясь к земле, в горячем воздухе свистят пули... Мне двадцать, Саша сидит рядом, наша дочка давно уснула. Ей только что исполнилось три...

Мы землю лапаем скуреными пальцами.
Пули, как воробушки, плещутся в пыли.
Митрия Горохова да сержанта Мохова
Эти вот воробушки взяли да нашли.

И Сашу нашли. Через три года. И я даже не успела спросить, почему ему нравилась песня про давно забытую войну. Кажется, его дед воевал. Или прадед – кто теперь вспомнит?

Дальше... Дальше я тоже помнила. Парня просят принять смерть за остальных, сбить немца с колокольни, он бежит – но пули прижимают его к земле, немец бьет очередями, и тогда встает командир: как на парад, во весь рост. Как Саша, когда к нему прямо возле горисполкома подошли трое и достали стволы с глушаками...

Сразу с колоколенки, весело чирикавая,
В грудь слетели пташечки, бросили назад...

Саша лежал на спине, и по белой рубашке расплывалось темно-красное пятно. Рубаха новая, прямо из стирки, я даже не успела пришить одну пуговицу, он сделал это сам, не хотел будить – я уснула под утро, Эмма как раз болела корью...

...И вдруг я чувствую, что песня давно кончилась, Игорь совсем близко, а я плачу – реву! – уткнувшись ему в плечо. Реву, а меня гладят по голове, как ребенка, и что-то тихо, еле слышно, шепчут. Всегда так хочется, чтобы тебя погладили по голове, когда плохо...

– Ирина? Что с вами?

Я очнулась. Бред, все бред! Никто меня по голове не гладит, никто ничего не шепчет, Игорь не сидит рядом, а стоит. Я осторожно коснулась лица – ни слезинки. Я просто застыла – закаменела. Только камню не бывает больно.

– Ничего, Игорь! Я сейчас...

Медленно, стараясь не пошатнуться, бреду в ванную и кручу кран. Холодная вода приводит в чувство – и я сразу вспоминаю о косметике. Прощай, боевой раскрас вместе с заботливо нарисованным лицом! Косметичка, конечно, осталась в комнате. Бедный Игорь, сейчас ему предстоит узреть чудище. Как выразился один остроумец, чудище Горилло.

Чудище Горилло возвращается в комнату, опускается в кресло. Игорь неслышно оказывается рядом. Я пытаюсь улыбнуться – вместо улыбки получается нечто жалкое, отвратительное. Не смотри, сероглазый, не надо, страшная я!

– М-может, лекарство принести? Или... Вы д-давеча свой «К-каю» рекламировали. По п-пятьдесят грамм? Вид у вас, Ирина, признаться... усталый.

Можно и по пятьдесят. Или по стакану. Или прямо из горлышка.

Коньяк льется в стопки, разливается по полированному дереву. Плохо! Очень плохо, Стрела! Лучше б я играла, как прошлым вечером. По крайней мере, не пришлось бы пугать гостя.

– Игорь... Я... Мне очень неудобно...

– А что случилось?

Да, Маг по имени Истр – настоящий джентльмен. Но вечер испорчен. Уже второй наш вечер. Коньяк почему-то отдает тараканами, ни к селу ни к городу вспоминается главный таракан-архар Жилин, чтоб он пропал, сегодняшняя дурацкая история с подонком из ФСБ...

– Шаги, – внезапно произносит Игорь. – В-вы кого-то ждете?

Ответить не успеваю. Шаги – тяжелые, неспешные – уже возле самой двери.

Звонок.

Хорошо денек начинался!

И кончается не хуже.

8

Нет сил даже сходить за пистолетом. Да и хороша я буду: глаза мертвые, красные, как у кролика, форменная куртка расстегнута – и вдобавок браунинг в руке.

Застегнуться!

Взгляд в зеркало (Господи, помилуй!).

К двери!

Скажут телеграмма, газовая служба или почтальон Печкин – вот тогда и за оружие браться можно.

А как же Игорь?

И тут я окончательно понимаю – влипла! Да так влипла!..

– Кто?!

Долгое, тяжелое молчание.

– Я...

Я?!

Заступница-Троеручица, этого еще не хватало!

Дуб!

На какой-то миг я чувствую нечто, похожее на облегчение. По крайней мере, не придется стрелять.

– Изюмский! Какого черта!

Вновь молчание – на этот раз испуганное. Кажется, не уследила за голосом – рывкнула.

– Эра Игнатьевна! Тут, блин... Поговорить бы...

Я даже не реагирую на очередной блин. Поговорить ему! Повадился, *кверкус!*

– Н-неприятности?

Голос Игоря прозвучал очень близко, и я невольно вздрогнула. Маг – действительно Маг. Обычно я слышу, когда подходят сзади. Правда, господин Молитвин тоже...

– Мелкие, – вздыхаю я. – По ботанической части... Это с работы.

– П-понял.

Когда я оглянулась, Игоря уже рядом не было. Что ни говори – Маг!

* * *

– Добрый вечер!

Господин Изюмский смущенно топчется на пороге, и я начинаю закипать – быстро, как кофеварка-минутка завода «Коммунар».

– Добрый? Послушайте, Изюмский, а позвонить можно было? По телефону? Обязательно являться среди ночи? И вообще, имеет человек право на личную жизнь?

– Так ведь...

– Что – так ведь?!

Кофеварка закипела. Ну, я сейчас этому обормоту!

– Эра Игнатъевна! – его голос внезапно переходит в шепот, и я невольно замолкаю. Шептать в моем присутствии дубу еще не доводилось.

– Не мог я позвонить! Меня этого... Того... Поговорить надо!

И вдруг я понимаю – надо. Дуб, конечно, дуб, но зря не явится.

– Ладно, заходите!

Дуб возится у порога, стряхивая с ботинок снег, и я окончательно понимаю: вечер испорчен. Интересно, что подумает Игорь?

Я оглядываюсь – Маг уже в пальто, явно собирается уходить. Все! Попели песенки!

– Прошу знакомиться!

Дуб смущенно тычет широкую лапищу, Игорь внешне невозмутим, а я вдруг представляю, как все сие выглядит со стороны. Вот так и рождаются репутации! Ладно, пусть себе.

Игорь уходит, и я не знаю, как его остановить. Наверное, принял меня Бог весть за что...

– П-пойду! Счастливо, Эра Иг-гнатъевна! Будут новости – обязательно позвоню.

Я мысленно отметила Эру Игнатъевну. Маг все понял – но это не доставило радости.

Хлоп! Дверь закрылась – нет сероглазого! Есть я, недопитые рюмки на столе – и господин Изюмский в красе и силе.

– Эра Игнатъевна, я... Я помешал?

– А вы как думаете?

Злиться нет сил. Ругаться – тоже. Мы проходим в комнату, я ставлю на стол чистые рюмки. Дуб косится на початую бутылку «Камю».

– Так у вас гости были? Во блин!

Заметил! От такого ничего не укроется!

– А что, похоже? Ладно, что там у вас?

Тяжелый вздох, ручища тянется к рюмке, отдергивается.

– Не, не буду! Тут такое дело, Эра Игнатъевна. Хирный со мной говорил – который УВД. Чтoб я дело закрывал.

– Дело Трищенко?

– Его.

Все становится ясно. Ко мне подослали стрикулиста. Против бедняги-дуба выставили тяжелую артиллерию. Но зачем?!

– С Никанором Семеновичем говорили?

– Нет еще. Тут ведь чего выходит? Кондратюк-то признался! Тряхнул я его сегодня вечером, он и раскололся.

– И что вы сломали ему на этот раз? – поинтересовалась я.

– Да, блин!..

– Зажигалку! И язык – вытягивайте, вытягивайте!

Дуб сглотнул, словно упомянутый язык застрял у него в горле.

– Ладно! – смилостивилась я. – Но имейте в виду, в последний раз!

– Признался, значит, – Изюмский обреченно вздохнул. – И ведь не бил я его, Эра Игнатьевна! Сам признался! Пи... То есть убил Трищенко из ревности, бли... То есть просто из ревности, а ствол нашел. На помойке.

Так-так! Значит, теперь мадам Очковая из расклада выпадает. Правда, патроны... Но патроны одно, ствол – совсем другое. И Капустняк выпадает. И его ганфайтеры – тоже.

– Ну, я Ревенко доложил, а через час меня – к Хирному. Мол, закрывай дело, убийца есть, ствол есть.

Да, интересно выходит! Всем это дело поперек горла стало. Но почему? Неужели все-таки Капустняк?

– И что решили?

Дуб молчит, вздыхает и внезапно машет широкой ладонью:

– Да ни черта я не решил, Эра Игнатьевна! Нельзя дело закрывать! Кондратюк, урод, на суде откажется – и все! Он же плановой, его психом сходу признают! А главное, почему он, гад, живой до сих пор? И вообще, какого хе... то есть зачем Хирный в наши дела лезет? Сам бы и расследовал!

Я киваю. И это верно. А смелый все-таки парень, наш дуб! И так, дело хотят закрыть: девица с неприятным голосом, госбезопасность и УВД. Хорошая компания получается!

– Дядьке-то я скажу, – резюмирует дуб, – да только не захочет он с Хирным ссориться! Скажет: смотри, мол, сам! А чего тут смотреть?

Он не прав. Смотреть есть куда. Кто-то за всеми этими спинами прячется. Уж не самозванный ли боженька? Если так, хороша у него паства!

– Ладно, – решаю я. – Все-таки выпьем! По чуть-чуть. Ну почему, Володя, от вас сплошные неприятности?

Воскресенье, двадцать второе февраля

Нашествие ратей Голицыных * Кто будет водить?

* Шизофреники вяжут веники * Когда нет сил плакать

1

Воскресенье началось с почты. Два файла – один побольше, другой совсем маленький.

Пятый – Стреле. На ваш экстренный № 258.

Ниже приводится список объектов города и области, связанных с фамилией Голицын и сходными с нею.

1. Покровский монастырь (действующий). Князь Василий Семенович Голицын был одним из донаторов (вкладчиков).

2. Троицкая Церковь (действующая). Князья Михаил и Константин Голицыны внесли 20 тыс. рублей золотом на ее строительство. По непроверенным данным, князь Константин являлся ктиторм...

Пятый постарался – от души. Сорок три пункта, включая сахарный завод в Белом Колодезе, которым в 1936-1938 годах управлял некто Сергей Ферাপонтович Голицын – явно не князь. Я заварила кофе и включила принтер. Три страницы голицяны – по крайней мере, есть от чего плясать.

...3. Пушкинская, 7. Дом, купленный в 1876 год князем Николаем Голицыным. Не сохранился, снесен в 1929 г.

4. Николаевский собор (бывшая Николаевская площадь, ныне Конституции). Не сохранился, снесен в конце 1920-х годов. Иконостас был изготовлен на средства семьи купцов первой гильдии Голицынских...

Я поняла, что тону. Вместо одинокого поручика Голицына вкуче с верным его другом-корнетом, на меня навалилась целая орава Голицыных, Голицынских и даже Голиков-Голицыных. Интересно, а Голиценко есть? Такого не обнаружилось, но легче от этого не стало. Неуловимые психи, к которым угодил доктор-биохимик, спрятались, забившись за могучие спины однофамильцев на букву Г.

Второй файл – тот, что поменьше. Снова от Пятого! Где же Девятый?

Пятый – Стреле.

Подтверждаю, что Эмма Александровна Шендер здорова. В настоящее время, после академического отпуска, вновь приступила к занятиям в колледже. Ваш перевод получен позавчера.

Холодные казенные слова не успокоили. Академический отпуск – ясно, о чем речь. Пол... Павел Авраамович Залесский. Странно, они с Аликом-алкашом совсем не похожи – если, конечно, судить по снимку. Бедный парень!

А перевод – это, само собой, премия в размере 2N. Интересно, хватит ли моих денег для Гарварда? Увы, не все решается деньгами...

Уже несколько раз я поглядывала на проклятую распечатку, даже брала в руки – но каждый раз откладывала. Не сейчас! Она жива, здорова – это главное. Да и можно ли доверять спириту-алкоголику? Отец Николай точно бы предостерег – не верить бесам.

Ладно, что там дальше?

...5. Могила писателя Мыколы Голицына на бывшем Первом городском кладбище. Не сохранилась, снесена в 1938 году...

* * *

Телефон позвонил без десяти двенадцать, а в четверть первого у подъезда уже ждала машина – громадный белый «Форд» с номерами городской администрации. Там не читли ни день субботний, ни, соответственно, воскресный. Кому-то очень понадобилась старший следователь Гизело.

Кому – довелось узнать очень скоро. Лычаков Валерий Федорович, вице-мэр. Связи с общественностью, средства массовой информации и, конечно, речи. Наш городской златоуст. Почти Цицерон.

Дважды на него приходилось составлять объективку. Первый раз – по долгу службы, в связи с заявлением одной мамы по поводу слишком близкого знакомства господина Лычакова с ее дочерью-десятиклассницей. Второй – тоже по долгу службы. Девятого интересовала перспектива вербовки. Я отсоветовала – слишком продажен. Его взятками в свое время занималась прокуратура, но так и не довела дело до ума.

Почти Цицерон принял меня в своем огромном кабинете, и весь его вид – непринужденный, вальяжный, – излучал радость. Когда-то, говорят, он был худ и красив, но сейчас обрюзг, лицо умудрилось одновременно располнеть и покрыться морщинами, из-под модного серого жилета выпирало изрядное брюшко. Не понимаю десятиклассницу!

Похоже, меня хотели обаять. Мягкий голос, сердечная улыбка, кофе на столе. Ладно, стерпим! Стерпим – и подождем, пока златоуст заговорит о деле.

О деле Трищенко, само собой.

Но разговор начался странно. Сначала погода, потом – перебои с электроэнергией (это у нас-то!), затем снова о погоде. Я начала понемногу звереть, когда внезапно улыбка сгинула, господин Лычаков пододвинул ко мне толстую папку коричневой кожи:

– Это для вас. Ознакомьтесь!

Я хотела переспросить, но первые же строчки...

Секретно. Только для служебного пользования.

Указ № 1400

Об укреплении конституционного порядка в стране и некоторых мерах по дальнейшему усилению борьбы с организованной преступностью.

В последнее время в некоторых регионах сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны. Наблюдается как прямое, так и косвенное противодействие исполнению Конституции и законов государства. Руководители местной администрации регулярно и систематически игнорируют решения исполнительной, законодательной и судебной власти, результатом чего является резкий рост преступности, особенно организованной, а также неоднократные столкновения на этнической почве, угрожающие здоровью и даже жизни десятков тысяч людей. Особенно нетерпимы эти проявления в таких городах, как...

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. *В таких городах, как...* Наш назван вторым. Но что за чушь! Ни один указ не должен пройти мимо прокуратуры! За то мы и хлеб едим!

– Указ еще не подписан, – правильно понял меня Лычаков. – Читайте, читайте!

Что будет дальше, я уже догадывалась. Девятый не зря предупреждал о жестких мерах. Вот они, жесткие! Впрочем, после забавной истории со взломанным компьютером РВСН подобного следовало ожидать.

...Основываясь на статьях 1, 2, 5, 125-5 Конституции,

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Временно прервать осуществление полномочий местной администрации и выборных органов в перечисленных выше городах и местностях; и ввести там ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, начиная с 0 часов 1 марта сего года.

2. Для осуществления введения ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ обязать:

а.) Министерство обороны...

Я вновь прикрыла веки. Как пишутся такие указы, я знала. И что после них бывает – тоже. В последний раз – два года назад, после теракта в Изъльментьевске. До этого – в Нагорной республике. Еще раньше – в Чечне и Дагестане.

– Есть еще два указа, – негромко добавил Лычаков. – Они не будут опубликованы даже после подписания. В одном из них – решение о депортации, то есть, конечно, о временном переселении в безопасные для жизни районы населения города и области. Только нашего города! Понимаете?

– Прокурор знает? – спросила я, уже догадываясь об ответе.

Лычаков кивнул, явно довольный эффектом.

– Конечно, знает! Ему ведь и предстоит, так сказать, организовывать наше переселение. Теперь вы понимаете, Эра Игнатьевна?

Интересно, что я должна понять? Почему спешат мои боссы? Почему предостерегает Пятый? Но заместитель мэра явно имеет в виду другое.

– Ситуация висит на волоске, Эра Игнатьевна! В столице далеко не все хотят крови. А ведь без крови такое не совершить! Тем более, есть у нас горячие головы...

Начальство нахмурилось, покачало головой и перешло на доверительный шепот:

– План Покров – может, слышали? *Кое-кто* желает оказать вооруженное сопротивление! Армии! Представляете, что начнется?

Вот оно! *Кое-кто* готовит план, а *кое-кто* другой этого весьма опасается.

– Наши враги ждут предлога – любого, даже самого крохотного! Кентавры, например...

Да, например, кенты. Так сказать, этническое меньшинство. То-то в последнее время с ними одни заботы! Не иначе в спину подталкивают! Но... Что же это будет?

– Надеюсь, Эра Игнатьевна, вы не сторонник подобных... *методов*?

Слово методов было прекрасно проинтонировано.

– Сейчас от всех силовых структур и, в первую очередь, от вас, Прокуратуры-Государева Ока, зависит все!

Голос звенел сталью.

Я невольно подалась вперед. Зависит? Интересно, при чем тут прокра?

– И от вас лично, Эра Игнатьевна! От вас лично! Мы очень на вас надеемся!

Сталь сменилась бархатом. В глазах, покрытых паутиной красных жилочек (пьет, Цицерон наш, ох, пьет!), светилось доверие.

– Им нельзя дать предлога! Никакого! Поэтому дело Трищенко надо закрыть! Завтра же!

Бац! Трам-пам-пам, приплыли! А я-то думала: к чему все это?

– Мы несколько раз официально сообщали, что железнодорожники практически обезврежены – благодаря нашим славным карательным органам и, конечно, прокуратуре. После смерти Капустняка, то есть, простите, Панченко, они уже не опасны. И тут вы! Да вы понимаете, что один слух о Капустняке может заставить *кое-кого* решиться!

...Раз-два-три-четыре-пять, Капустняк шел погулять. Тут танкетка выбегает, прямо в лоб ему стреляет...

– Простите, Валерий Федорович, но разве арест Капустняка (если он, конечно, жив!) не будет свидетельством нашей силы?

Спорить не следовало – особенно в таком кабинете, но такая уж я безнадежная дура. Ответом был снисходительный взгляд – и тяжелый вздох. Вздох истинного государственного мужа, вынужденного объяснять недоучке азы высокой политики.

– Эра Игнатьевна! Глубокоуважаемая! Там есть разные люди. Наш Президент, признаться, простоват. Что вы хотите от бывшего десантника! Но вот около него!.. Есть, так сказать, партия Мира. А есть и ястребы. Они способны на все! Более того, скажу вам по секрету...

Лычаков вновь оглянулся, в начальственном шепоте прорезался азарт – мне сообщали *тайну*.

– Через два дня саммит в Бирмингеме. Большая Десятка, **G-10**. Обратили внимание, Эра Игнатьевна? Они едут с министрами обороны! *Наши* собирается договориться о полном невмешательстве в операцию. Быть может, даже попросит помощи. Наша армия, вы же знаете...

Что именно я должна знать о наших славных Вооруженных Силах, сказано не было. *Sapiensi*, как говорится, *sat*.

– Поэтому! – в его голосе была уже не бронза, не сталь, в нем гремел титан. – Ваш! Долг! Как! Гражданина! И! Патриота!..

Итак, мой долг, как гражданина и патриота, состоит в том, чтобы железнодорожная братва гуляла себе на свободе, доктор-биохимик пребывал в неведомом узилище, а мадам Очковая продолжала лихо орудовать фаллоимитатором. Аминь!

Лычаков оказался достаточно умен, дабы не выжимать из меня согласия. Кажется, он сам себе понравился. Себя, по крайней мере, он убедил.

...Анекдот из консерватории (Ревенко как-то рассказал, у него жена – концертмейстер).
Тенор – тенору: Дурак ты! А тот ему: А голос?

Вот и еще одна считалочка: Калиновская-Очковая, Капустняк-воскресший, Хирный-главжорик, стрикулист-ФСБ-ист, Лычаков-Цицерон.

Кто будет водить?

2

Остаток дня телефон молчал. Даже на автоответчике ничего не накопилось, хотя самые нужные люди натываются именно на «Сейчас меня нет дома».

Игорь не позвонил; а я, дура, почему-то надеялась.

Потому что – дура!

Оставалась одно – спать. Или развлекаться.

Например, Голицыными.

Пятый явно оценил мою шутку – ответил в том же духе. Его клеркам пришлось изрядно повозиться, зато теперь настало время попотеть мне. Уже на номере 13-м (*Памятник писателю Жевержееву, поставлен в 1906 г. на средства Петра Голицына в бывшем Университетском саду, не сохранился*), я поняла, что пора менять методу.

В успех не очень верилось. И даже не из-за неисчислимого сонма Голицыных и Голицынских. Не верилось из-за психов. Случайная фраза архара, переданная мне через третьи руки, мало что значила. Психи – совсем не обязательно сумасшедшие. Психи всякие нужны, психи всякие важны!

Но – допустим.

Дано: энное количество психов, помещенных в (или на) объект, как-то связанный с фамилией Голицын. Следовательно, этот объект должен иметь достаточный объем для размещения вышеуказанных психов. Значит... Значит, он существует, а не разрушен в 1929 году. Далее – это не памятник и не иконостас, а скорее всего дом – или усадьба. Правда, дом может быть как раз самым обычным, а памятник – торчать где-нибудь поблизости.

Но – предположим.

Голицынских домов в городе уцелело два (если не считать монастыря). Первый (Сумская, 12) принадлежал когда-то купцам первой гильдии Голицынским, которые не поскупились на иконостас. В настоящее время дом жилой, на первом этаже – парихмахерская и пиццерия (не там ли Игорь пиццу брал?).

Второй – маленький, одноэтажный, на Чернышева. Тоже жилой.

Отпадают.

Остаются имения, их тоже два. Точнее, было два – в Довжике и в Малыжино. Но, как известно, холопы сожгли родовое поместье, Голицыных бедных в могилу свели. В Довжике на месте усадьбы размещалась МТС (до 1960 года), теперь помещение используется под склад кооперативом «Иглус».

Малыжино... Собственно, Голицыны владели им недолго, уже в начале прошлого века его перекупил Павлов (тот, что Павлово поле – бывшее, где рвануло). В имении бывали Шаляпин, Репин, Лев Толстой... Ого! В настоящее время там размещается Областной интернат № 4.

Итак, ремиз! Полный и окончательный. Можно, конечно, предположить, что кооператив «Иглу» регулярно платит налоги, за что кооперативщиков и прозвали психами...

Обидно мне, досадно мне. Ну ладно!

Не из смутной надежды, а просто из привычки не доверять и проверять, я залезла в Интернет и быстро обнаружила, что ошиблась. Кооператив «Иглу» налогов не платит, потому как принадлежит Ельцин-фонду, а тот, в свою очередь, освобожден от таковых. А занимается «Иглу» производством средств малой и средней механизации. Что сие значит, не пояснялось.

Оставалось заглянуть на страничку областного отдела образования. Интернат № 4, спортивный, специализация – футбол, юношеская школа при команде «Металлист». Молодцы, ребята! Адрес: Померки, улица Леваневского...

Что?!

Все верно. Померки, улица Леваневского, 4, интернетовский адрес... На страничке оказались две фотографии – ворота с вывеской и розовощекие хлопцы с мячом. Хлопцев встречать не доводилось, а вот ворота видела, причем именно в Померках, совсем рядом с Белгородским шоссе.

И кто, извините меня, врет?

Первая мысль оказалась не из самых удачных: включить компьютер, достучаться до Пятого и начать ругаться – долго и сварливо. Подумав, я оставила от нее только вариант с компьютером. Интернет-интернат... А что такое, собственно, интернат?

Первым словарем, который удалось вскрыть, оказался Большой Российский 1998 года. Итак, буква и. Интерметаллиды, интермеццо... Ага!

Интернат (от лат. internus – внутренний). В соврем. России: 1.) Школа-интернат или общежитие... (Это понятно.) 2.) Дом для инвалидов войны и труда, престарелых, лиц, страдающих физическими или психическими отклонениями...

Физическими или психическими...

Психическими!..

Танком ворвалась на городской веб-сайт. Образование... Работа с молодежью... Последние новости... Знаю я эти последние новости! Система здравоохранения... Вот!

№ 4... Нет, не годится! Это храм неотложной хирургии, тот самый, в который не захотели брать Молитвина. Еще № 4 – и опять не то, тоже храм-лечебница, но стоматологическая. Ага! Областной интернат № 4, адрес – село Малыжино... Есть!

Палец нащупал *On-off* принтера. Легкое жужжание. Ну-ка, ну-ка!

Основан в 1949 году, специализация – лица с неизлечимыми психическими... Вот, они, психи!

Фотография имелась, но черно-белая и очень неудачная. Забор – чугунный, литой, за ним – что-то вроде тына. Четырехэтажный дом – явно послеголицынских времен. Рядом виднелся еще один, пониже и куда более почтенного возраста. Что еще? Вот! Директор – Калиновский Михаил Михайлович.

Калиновский!

Очковую зовут... Любовь Васильевна ее зовут, не совпадает. Хотя почему? Может быть, двоюродный брат – или дядя. Давно господин Калиновский на хозяйстве? Полтора года, до этого работал... А нигде не работал, не указано!

Я выключила компьютер, спрятала свежую распечатку и принялась мечтать о рюмке бананового ликера – в качестве маленькой премии. Но затем решила не спешить. Может, это все ерунда и фантастика *a la* мсье Залесский, а в Малыжино живут-поживают обычные бедолаги, психи тихие, неизлечимые. Шизофреники вяжут веники, параноики рисуют нолики...

3

Поздно вечером, когда тишина в пустой квартире начала оглушать, я не выдержала – достала запись. Короткую запись, всего на четыре минуты. Экран – выстрел – белый четырехугольник...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.